ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 43 (2426) Суббота, 29 мая 1948 г. Цена 40 коп.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СРЕДСТВО МАССОВОЙ АГИТАЦИИ

Партия и правительство всегда уделяли исключительное внимание кинематографии и проявляли особую заботу о росте и развитии этого «величайшего средства массовой агитации», как назвал кино товарищ Сталин.

Массовость, это важнейшее свойство кинематографа, делает его неоценимым рупором пропаганды идей и политики партии среди самых широких слоев народа. Кино — могучее средство воспитания масс в духе коммунизма и мобилизации их на борьбу за построение коммунистического общества. Вот почему так внимательно, бережно и неустанно заботится партия о создании картин, достойных нашей великой эпохи и отвечающих требованиям времени. Мы все были свидетелями того благотворного влияния, которое оказало на развитие нашего кино известное постановление ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь». Уже 1947 год, прошедший под знаком осуществления этого постановления, принес советской кинематографии новые значительные успехи.

Осуществляя это постановление, советское кино в 1947 году, впервые за много лет, выполнило государственный план производства фильмов и дало советскому зрителю ряд значительных произведений.

Творческим работникам советского кино надо еще выше поднять идейное и художественное содержание своих картин. Они должны создать новые фильмы, правдиво отражающие советскую действительность, проникнутые идеями партии Ленина—Сталина. Наряду с этим необходимо настойчиво бороться со всеми недостатками кинопроизводства.

Одновременно надо значительно улучшить кинообслуживание населения.

Партия и правительство обеспечивают самые широкие возможности для этого. Постановление Совета Министров предусматривает широкое развитие киносети. В этом году в стране начнут работать 4.300 новых киноустановок государственной сети и 2.200 — принадлежащих профсоюзам. Неустанно заботясь об улучшении культурного обслуживания народа, советское правительство недавно установило пониженные цены на билеты в кино. Все это открывает новые возможности привлечения зрителей. И если этого не происходит, то виной вовсе не об'ективные причины, на которые так любят ссылаться работники киносети. Нет нужды доказывать, что даже наилучший из фильмов не достигнет своей цели, не выполнит своего назначения, если он не будет доведен до самых широких слоев народа.

В минувшем году кинопроизводство дало организациям, ведающим прокатом фильмов, ряд картин, которые имеют право на признание миллионами зрителей. Однако, во многих республиках залы кинотеатров заполнялись лишь наполовину, а по отдельным областям посещаемость кинотеатров была еще более низкой. В чем же дело?

Читатели «Литературной газеты» тт. Майба и Подольский — работники Феодосийского зерносовхоза Крымской области — жалуются на кинорепертуар. Совхозный кинотеатр получает из крымской конторы Главкинопроката по 3, 4 и 5 раз в месяц одни и те же фильмы. Если учесть, что все взрослое население совхоза составляет 400 человек, станет понятно, почему при повторной демонстрации картин в зрительном зале присутствуют лишь 12—15 человек. При этом картин, которые представляют для зрителя наибольший интерес, в репертуаре совхозного кинотеатра нет вовсе. Казалось бы, где, как не в Крыму, зритель с особым интересом отнесется к фильму «Третий удар»? Однако, Крым получает эту картину в количестве всего 8 копий. Вот почему зрителям Феодосийского зерносовхоза по 5 раз в месяц предлагают смотреть «Беспокойное хозяйство» и ни разу не показали картины, рассказывающей об освобождении Крыма.

Об'ективные причины не могут об'яснить и того, что в одном и том же городе, при демонстрации одних и тех же картин, одни кинотеатры перевыполняют свой план, а другие выполняют его едва наполовину. Так, например, в Москве, в отлично оборудованном кинотеатре «Москва», новый научно-популярный сборник, который открывается очень интересным фильмом «Они видят вновь», продержался на экране всего два дня. При этом он демонстрировался только на двух сеансах в день. В то же время другой московский кинотеатр — «Метрополь» увеличивал количество сеансов для этой картины, учитывая спрос, пред'явленный на нее зрителем. Тот же кинотеатр «Москва» недоволен и результатом демонстрации фильма «Красный галстук». Дирекции кинотеатра, видимо, невдомек, что сборы были низки потому, что эта картина, предназначенная в основном для школьников, демонстрировалась как раз в то время, когда в школах шли экзамены. Эти, на первый взгляд, незначительные примеры показывают, как отсутствие элементарного внимания к запросам зрителя отражается на судьбе кинокартины.

Сетуя на недостаточное посещение зрителем кинотеатров, прокатные организации в то же время вовсе лишают кинообслуживания огромные массы советских граждан. Так, в прошлом году в 336 сельских советах Калининской области не было ни одного киносеанса, а в Тульской число таких сельсоветов составило 446. Еще хуже обслуживают киноорганизации население в местах, отдаленных от Москвы. В 847 колхозах Казахской ССР за весь 1947 год не было ни одного киносеанса. Ничуть не улучшилось положение и в нынешнем году.

Как и в Крымской области, зрители Казахской ССР испытывают на себе результаты странной политики Главкинопроката. Цветные кинофильмы поступают на экраны республики в количестве... 1 экземпляра, а киноустановок в Казахстане более тысячи!

Как видим, фильмовый фонд Казахской ССР явно недостаточен, а, вместе с тем, в течение одного года в прокатной сети республики погублено 800 копий картин. Значительная часть вины лежит на киномеханиках, не имеющих должной подготовки и достаточной квалификации. Но фильмы гибнут преждевременно также и вследствие изношенности проекционной аппаратуры, вследствие отсутствия фильмостатной жидкости, клея. При обрыве ленты ее зачастую... сшивают нитками. Ни клея, ни фильмостатной жидкости республиканские киноорганизации не получают уже три года. Поистине поразительно равнодушие руководителей Главкинопроката, спокойно взирающих на гибель фильмов из-за отсутствия какой-нибудь сотни килограммов вовсе не драгоценного продукта.

В нашей многонациональной стране огромное значение имеет дубляж кинокартин на национальные языки. Однако, и тут Министерство кинематографии не считается с интересами зрителя. Фильмы, дублированные, например, на казахский язык, запаздывают на полгода. Мало того, ряд этих картин, дублированных в Новосибирской студии, представляют собой стопроцентный брак. А бывает и так, что даже хороший фильм предстает перед зрителем в испорченном, обесцененном виде из-за плохой печати, скверной проекции или искажения звука.

Совершенно не выдерживает критики постановка кинорекламы. В этой области кинопрокатные организации растеряли даже тот небольшой опыт, какой был накоплен до войны. Забыты такие формы пропаганды фильмов, как либретто, анонсирование с экрана и многое другое.

Кинотеатры, которые должны быть очагами культуры, сами зачастую являют собой образец бескультурья. Справедливость требует отметить, что вину за крайне плохое состояние кинотеатров делят с органами кинофикации местные советы, проявляющие полное пренебрежение к состоянию сети кинотеатров.

Организации, которым доверено важнейшее дело кинообслуживания, должны решительно перестроить свою работу. Пустующие места в залах кинотеатров свидетельствуют о том, что значительная часть советского народа остается вне воздействия величайшего средства массовой агитации, каким является кинематограф. Это совершенно нетерпимо.

Делом чести всех советских киноработников является не только создание высокоидейных и увлекательных картин, но и распространение их среди самых широких масс советского народа. Немедленное и резкое улучшение кинообслуживания населения — первоочередная задача работников советского кино. Только при этом условии советская кинематография сможет выполнить те требования, какие пред'являют к ней партия, государство, народ.

Машины советских полей

Подмосковный поселок Плющево, ничем, казалось бы, не примечательный, пользуется широкой известностью. Из Казахстана и с Дальнего Востока, с Украины и из Грузии, с Поволжья и Алтая приезжают сюда агрономы, зоотехники, колхозники — ревнители новой техники. Здесь, в этом скромном подмосковном поселке, рождаются образцы замечательных сельскохозяйственных машин, помогающих поднять урожаи колхозных полей, повысить продуктивность животноводства, максимально облегчить труд колхозников.

В Плющеве расположен Всесоюзный институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ВИМЭ). Однажды мы встретили здесь казахстанских колхозников. Они с нескрываемым восторгом осматривали невиданный еще в мире агрегат — самоходную широкозахватную сенокосилку «КС-10».

Заместитель директора ВИМЭ по научной части тов. В. Краснов рассказал корреспонденту «Литературной газеты» о новых машинах, созданных советскими конструкторами для социалистического сельского хозяйства.

На смену прицепному комбайну идет самоходный комбайн «С-4», сконструированный во Всесоюзном институте сельскохозяйственного машиностроения (ВИСХОМ). Новая машина предназначена для уборки зерновых, бобовых и масличных культур.

Ходовая часть комбайна приводится в движение тем же двигателем ЗИС-5, который вращает и рабочие части машины. Управляется «С-4» одним водителем и его помощником, тогда как прицепной комбайн обслуживают четыре человека.

В Ленинграде завод имени Кирова изготовил экспериментальный образец самоходного комбайна для северных районов. Его молотилка рассчитана для обмолачивания более влажных хлебов, характерных для северных районов.

На заводах «Коммунар» в Запорожье и «Ростсельмаш» в Ростове-на-Дону начинается массовое производство прицепного комбайна «Сталинец-6». Он имеет более мощный двигатель, чем его довоенный предшественник. Машина снабжена приспособлением для сбора половы. Комбайн дает возможность полностью осуществить агротехнический комплекс, в который входят: уборка со сбором половы и соломы, немедленное лущение жнивья и последующая глубокая зяблевая пахота с предплужником.

— Должен сказать,—заявил тов. Краснов, — что конструкторам сейчас приходится довольно туго: угнаться за достижениями мастеров высоких урожаев — дело нелегкое. Даже новые комбайны с трудом справляются с уборкой хлебов на их полях. Как известно, Герои Социалистического Труда выращивают урожаи, уже превышающие 30 центнеров с гектара. Однако эти трудности мы встречаем с огромным удовлетворением. Они вызывают в среде конструкторов творческий под'ем. Едва отправив эталоны принятых машин на заводы, они принимаются за разработку новых конструкций.

Советский Союз является пионером в механизации возделывания самых трудоемких технических культур. В этом году начинается массовый выпуск свеклокомбайна «СПГ-1», обеспечивающего кондиционную обрезку ботвы и полное выкапывание корней. Переданы в массовое производство льнокомбайн, сложные картофелепосадочные и уборочные машины.

За последнее время, — сказал в заключение тов. Краснов, — институт сконструировал электротрактор и много других машин, которые по своим техническим показателям превосходят зарубежные образцы.

Михаил НИКИТИН

Беседа на Юпитере

Поезд Новосибирск — Сталинск пересекает Кузбасс с севера на юг. Ночью Кузбасс предстает перед вами как бы в поперечном разрезе. Необычайное для нашей страны ощущение тесноты непременно возникает у вас от встречи с шахтерскими поселками и городами, которые расставлены здесь в таком изобилии и в таком близком соседстве, что свет их окраин почти сливается. Вот промелькнули огни Киселевска и тотчас же надвинулись бесчисленные огни Прокопьевска. Вот засияли нежнорозовые отсветы пламени Сталинска. Когда же вы чуть от'едете дальше и вдали возникнут огни Осинников, вам поневоле покажется, что вы едете мимо одного и того же города и видите одно и то же зарево, при свете которого трудится в ночи Кузбасс — работяга-гигант в темной спецовке.

С того самого времени, как большевики открыли Кузбасс, здесь идет непрерывное строительство. Началось оно двадцать восемь лет тому назад, но особенно большого размаха достигло в годы сталинских пятилеток. За эти годы не было ни одного квартала, ни одного месяца, когда в строй действующих предприятий не вступали бы новые заводские цехи или новые шахты. Одновременно с этим строились города и рабочие поселки. Почти все города Кузбасса, — а в трех из них население перевалило уже за двести тысяч человек в каждом, — созданы за последние восемнадцать-девятнадцать лет.

Но Кузбасс рос со сказочной скоростью богатыря, которому одежда, сшитая сегодня, становилась тесной завтра. Жилищное строительство отставало от строительства промышленного. Некоторое равновесие достигнуто было перед войной, но в военные годы, когда промышленные мощности удвоились, а жилищное строительство было почти прекращено, равновесие снова нарушилось, и жилищная теснота стала ощущаться с особенной силой.

Как только кончилась война, правительство поставило перед кузбассовцами задачу — покончить в самые короткие сроки с жилищной нуждой. Кузбассовцы не сумели на этот раз по-государственному подойти к важнейшему общенародному делу, и правительственные ассигнования, которые особенно огромными были в 1947 году, осваивались лишь частично (в 1947 году наполовину).

Понадобилось требовательное указание Центрального Комитета партии, чтобы кузбассовцы осознали свою ошибку. Оно, это указание, продиктованное большевистской, сталинской заботой о человеке, прозвучало в самом начале весенне-летнего строительного сезона нынешнего года, и прозвучало с большой силой.

Когда по приезде в Кузбасс я попал на слет стахановцев-угольщиков и мне пришлось, наряду с выступлениями об угледобыче, прослушать несколько страстно обличительных речей по адресу строителей, — я уже не удивился этому. Не удивился я также и тому жаркому спору, который мы с Почетным шахтером Василием Павловичем Злобиным застали в шахтуправлении, когда пришли туда после стахановского слета. Руководители шахты говорили не об угледобыче, а о том, как скорее «пустить» в эксплоатацию новое общежитие для одиночек и два новых двухэтажных дома для семейных. Разговор касался также поселка индивидуальных домов, но узнать все подробности этого дела мне не удалось, потому что начальник шахты вдруг позвал своих командиров «на наряд» (то-есть на раздачу заданий для шахтерской смены), и мы с Василием Павловичем остались одни.

Тут-то я и спросил Злобина, почему он не принял участия в разговоре. Почетный шахтер нехотя и, как мне показалось, даже сердито ответил, что он не привык разговаривать в кабинетах и что, если я хочу, мы можем поговорить на Юпитере.

— Почему же на Юпитере, а не на Марсе? — с удивлением спросил я.

Почетный шахтер усмехнулся и сказал, что Юпитером называется их поселок и что там стоит его халупа, которую он хочет мне показать. Я, разумеется, принял приглашение, мы отправились в путь...

«Юпитером», собственно, называется один из пригорков, находящихся в окрестностях шахты имени Орджоникидзе, но с того времени, как шахтеры построили на отлогих склонах пригорка свои незамысловатые избенки, название «Юпитер» закрепилось и за поселком. Халупа Почетного шахтера стоит на самом взлобье пригорка.

В маленькой, тщательно побеленной кухне хозяин познакомил меня с женой, в передней же комнате представил остальных членов семьи. Впрочем, представление было заглазное — по фотографиям, которые вперемежку с почетными грамотами висели над обеденным столом.

Василий Павлович — отец большого семейства: у него три дочери и три сына. Дочери уже вышли замуж. Старший сын тоже живет отдельно — он офицер и служит в городе Белове.

— Четверых в люди вывел этими вот руками, — сказал Василий Павлович, — и я с уважением посмотрел на его узловатые руки, покрытые свежими ссадинами и синими порошинками в'евшегося в кожу угля.—Я уголек шестнадцатый год рубаю и меньше двухсот процентов никогда не давал, — сказал Василий Павлович после короткой паузы. — Почетных шахтеров всего двадцать шесть душ на весь Кузбасс считают. Значит, вышел я вроде в знатные люди, а жилье у меня, сам видишь, какое...

Он показал глазами на осевшие углы своего дома и с неожиданной горячностью добавил:

— Ты не думай, жаловаться я не собираюсь. Халупа моя пятнадцать годков стоит, а теперь ей, может, всего два-три месяца жить осталось. Строителям, ты сам видишь, большая нахлобучка вышла, и они взялись за ум. Шахтерские поселки ставят сейчас по всему Кузбассу. Условия подходящие: самый большой дом стоит государству восемнадцать тысяч, а с шахтера берут за него двенадцать, да и то с рассрочкой на десять лет. Я, скажем, не только что в рассрочку, а сразу мог бы внести двенадцать тысяч, потому что заработки у меня хорошие. Вот, к примеру, последний квартал... — Василий Павлович открыл ящик и вынул расчетную книжку. — Вот слушай! В январе я заробил 13.420 рублей, в феврале 9.147 рублей, в марте 8.549 рублей, — поменьше, потому что работал на мелкой нарезке. Ну, да ладно, не будем считать. Я все это только к тому, что мог бы без рассрочки обойтись.

Я спросил, что же в таком случае мешает ему купить дом.

— А мешают неполадки, — ответил Почетный шахтер, бросив на стол книжку. — Наше шахтное начальство тоже затеяло строить поселок, только неладом. Первое дело — поселок поставили на отшибе: на шахту версты три ходить. Второе дело — загнали поселок на крутую горку, а колодцев не вырыли, и за водой, значит, под горку надо ходить, а это без малого верста. Летом еще ничего, а вот попробуй зимой с ведрами-то на гору влезть. Я как увидел это безобразие, так сразу и порешил: ни за какие блага не пойду в поселок.

— А вы говорили об этом в шахтуправлении?

— Разговор такой был, — сказал Почетный шахтер. — Обещали мне этим летом здесь же, на старом месте, дом поставить, тем более, что усадьба у меня неплохая, место на елани, веселое, и до шахты не так далеко... Я, однако, с напоминаниями не лезу. Дело ведь не в этом...

Василий Павлович передвинул на столе расчетную книжку и, сердито хмурясь, стал рассказывать о том, что в большом поселке на шахте «Ягуновской» строители штукатурят дома цементом.

Я удивленно спросил, почему же всетаки штукатурят цементом?

— А ты поговори об этом со строителями, пусть они сами об'яснят...

Я отправился к строителям. В Кузбассе существует множество организаций, занимающихся строительством жилищ для шахтеров. В одном только городе Кемерово насчитывается 27 строительных трестов, и мне понадобилось немало времени для того, чтобы усвоить несложную вещь, а именно, — что строительство шахтерского жилфонда осуществляется, в основном, двумя способами: способом хозяйственным, во-первых, и способом подрядным, во-вторых. По удельному весу в плане жилищного строительства подрядчиков следовало бы поставить на первое место, но так как они позорно не выполняют плана, то о них можно говорить и «во-вторых».

Расскажем сначала о тех организациях, которые строят жилища хозяйственным способом. Этими организациями являются комбинаты «Кузбассуголь» и «Кемеровуголь» со своими подразделениями — трестами. В сущности, тресты «Кузбассугля» и «Кемеровугля» созданы как предприятия эксплоатационные, но жизнь заставила их заниматься не только угледобычей, а еще и строительством шахтерских поселков. Работники этих трестов, прежде всего, — угольщики; жилищная нужда, испытываемая шахтерами, им известна досконально. Может быть, поэтому они с самокритическим осуждением говорят о том, что в прежние годы план жилищного строительства ими не выполнялся.

— Это была наша ошибка! — откровенно признаются они: — Центральный Комитет партии указал нам на то, что отставание в жилищном строительстве приводит к текучести рабочей силы, к понижению производительности труда на шахтах. Мы не могли с этим не согласиться и обязались выполнить план 1948 года по жилищному строительству к 1 июля текущего года.

— Но план этот очень большой?

— Не только большой, а грандиозный, — подхватывают строители и оживленно называют цифры.—В нынешнем году правительство отпустило на жилищное строительство для угольщиков Кузбасса 140 миллионов рублей. На эти средства должно быть построено 140 тысяч квадратных метров жилплощади и, сверх того, 4.800 индивидуальных домов. По одному лишь Прокопьевску должно быть сдано в эксплоатацию 90 тысяч квадратных метров жилплощади, 1.300 индивидуальных домов, 6 школ, 6 детских садов, 7 бань, одна больница и, кроме того, 22 километра новых дорог.

— И этот план вы обязались выполнить в шесть месяцев? Значит, у вас нашлись и рабочие руки и строительные материалы?

— Да, мы пересмотрели наши возможности, перестроились, нашли резервы.

Должно быть, разговор с Василием Павловичем произвел на меня слишком сильное впечатление: я придирчиво допрашивал угольщиков-строителей, ходил на стройки, посещал представителей строительной инспекции, работников городского совета и должен был, в конце концов, признать, что угольщики не на словах, а на деле выполняют указание Центрального Комитета. Перелом в строительстве шахтерских жилищ хозяйственным способом несомненно достигнут.

Строительные организации комбинатов и трестов Министерства угольной промышленности Востока добились уже ощутимых успехов в этом деле. После указания Центрального Комитета трест «Молотовуголь» успел за два месяца выполнить по жилстроительству половину годового плана. Комбинат «Кузбассуголь» к 1 мая был уже близок к завершению годового плана — сооружения 40.000 квадратных метров жилплощади.

Не будем умножать примеров: угольщики двинулись вперед, — это бесспорно. Как же обстоит дело с подрядчиками?

В качестве подрядчиков при постройке шахтерских поселков выступают предприятия Министерства топливных предприятий (министр тов. Задемидко). Как сказано было выше, удельный вес этого министерства (в Кузбассе его сокращенно называют «Топстрой») очень велик. Приведем в подкрепление цифры: в 1948 году для шахтеров Кузбасса должно быть построено хозяйственным способом 68.600 кв. метров жилплощади, а подрядным (через «Топстрой») — 70.500 кв. метров.

Сколько же построил «Топстрой» до 1 мая текущего года?

Да всего только 5.270 кв. метров.

Эта цифра станет еще более выразительной, если мы скажем, что за четыре месяца прошлого года «Топстрой» сдал 5.680 кв. метров жилплощади. Значит, подрядчик «Топстрой» не двинулся вперед, а **пошел вспять.** Возмутительнее всего то, что работающие в Кузбассе организации Министерства строительства топливных предприятий не только не выполняют плана жилищного строительства по количественным показателям, но еще пытаются **сдать в эксплоатацию дома-недоделки.**

Министр тов. Задемидко знает, конечно, что в его системе имеется трест «Кемеровошахтстрой». В грандиозной строительной программе Кузбасса «Кемеровошахтстрой» занимает сравнительно небольшое место. Но этот трест все же должен был сдать в первом квартале текущего года 1.150 кв. метров жилплощади.

Сколько же он сдал?

А всего только 270 кв. метров, да и те «условно». Ни восьмиквартирный, ни четырехквартирный дома, построенные этим трестом, не приняты строительной инспекцией по причине множества недоделок: полы в квартирах не покрашены, в дверях зияют щели, в которые может пролезть средних размеров крыса, ямы перед домами не засыпаны и через них надо переходить по зыбким досточкам, получившим у жильцов название «чортовых мостиков».

Почему же трест «Кемеровошахтстрой» работает так дурно? Да потому, что им руководят безучастные к делу люди. Секретарь партийной организации «Кемеровошахтстроя» тов. Кузьмин даже не знает о том, что его трест взял обязательство досрочно выполнить план.

— Первый раз слышу об этом, — откровенно говорит он.

А главный инженер тов. Ерошевич руководится принципом: лишь бы сдать дом, а там хоть трава не расти...

Есть и другая формула: «Нам тут не жить». Я не преувеличиваю: эту фразу произнес в пылу спора с подчиненными начальник строительства на шахте «Ягуновская» тов. Птицын.

Этот чудо-администратор работает в системе «Кузбасшахтстроя» и, как подрядчик, строит не только шахты, но и жилища для угольщиков-эксплоатационников. На шахте «Ягуновской» он построил новый поселок. Дома неплохие, но печи в домах сложены... на цементе. Любой человек знает: сложить печь на цементе — это все равно, что застеклить окно льдом. Достаточно раза три протопить, как печь развалится.

Почему же в таком случае дефицитный цемент заменяет глину? Да потому, что глину не дают по государственным нарядам, ее надо накопать и привезти, цемент же готовеньким идет с заводов.

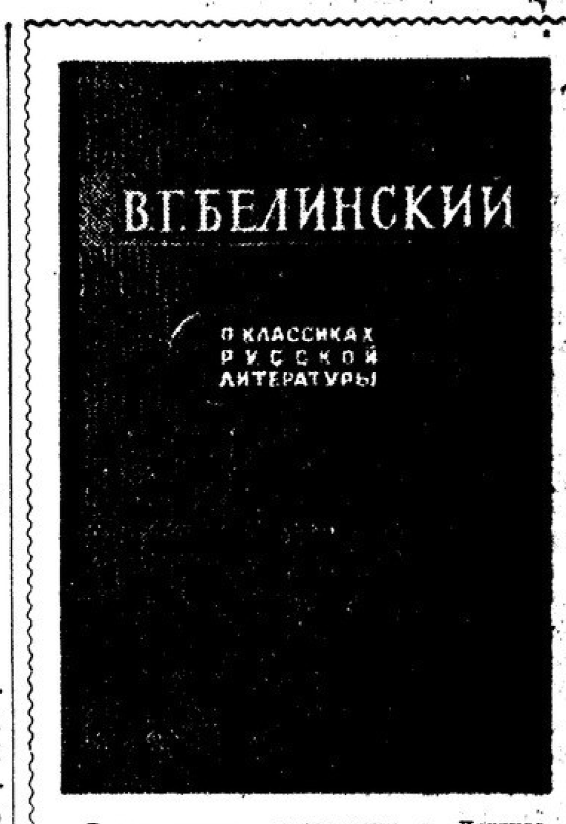
Люди, «забывшие» вырыть колодцы в поселке шахты имени Орджоникидзе, не обладают завидной откровенностью Птицына и не восклицают во всеуслышание «нам тут не жить!» Но они держат в голове именно эту «думу».

Горе-строители, вроде Кузьмина, Ерошевича, Птицына, не похожи, конечно, на строителя новых кварталов Кузнецка—инженера Христофорова, который воздвигает для металлургов Сталинска целые кварталы домов, больших, тщательно отделанных, красивых по своей архитектуре. Но эти люди все же существуют и действуют на фронте жилищного строительства Кузбасса, и про них нельзя забывать.

Министр тов. Задемидко должен напомнить работающим в Кузбассе организациям своего министерства, что они обязались выполнить годовой план жилищного строительства для шахтеров за 9 месяцев. Он должен, наконец, просто напомнить, что эти организации работают в советском Кузбассе.

Каждый школьник знает о том, что через два с половиной года Кузбасс будет выбрасывать на-гора почти половину того количества угля, какое начнет давать к этому же времени израненный на войне, но воскрешенный советскими людьми Донбасс. Электрические созвездия над новыми шахтами Кузбасса будут с каждым годом, с каждым месяцем умножаться в числе, и зарева заводов обильнее разольются в небе, и города раздвинут свои пределы.

Нельзя допускать, чтобы в этих городах хотя бы один квартал или даже один дом был построен руками равнодушных людей. Кузбасс не может больше мириться с халупами поселков типа «Юпитер». Новые шахтерские города Кузбасса должны быть социалистическими городами, достойными нашего народа.

В эту книгу, вышедшую в Детгизе, вошли статьи В. Г. Белинского о А. Д. Кантемире, М. В. Ломоносове, А. П. Сумарокове, Д. И. Фонвизине, Г. Р. Державине, Н. М. Карамзине, В. А. Жуковском, И. А. Крылове, А. С. Грибоедове, А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, а также статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 года» и «Общие вопросы литературы» (извлечения из ряда статей критика). Сборник составлен А. Дубовиковым, оформлена книга Н. Шишловским.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

„Это принадлежит детям!"

Уважаемый тов. редактор!

12 мая 1948 года в «Литературной газете» опубликована статья Николая Атарова «Это принадлежит детям!», в которой поднят очень острый и наболевший вопрос о возвращении школьных помещений их законным хозяевам.

До войны в нашем Тракторозаводском районе (г. Челябинск) школы работали нормально — в две смены. Война потребовала временно использовать школьные помещения для других целей. Но что происходит сейчас, спустя три года после окончания войны? В этом году занятия проводились в три смены, а на 1948—1949 учебный год учеба в этих школах намечается в четыре смены.

На Челябинском тракторном заводе была прекрасная школа № 48. По своему оборудованию она могла соперничать с лучшими столичными школами. Во время войны ее передали ремесленному училищу, которое до сих пор расположено там. Здание пришло теперь в полную негодность. Новую школу руководство завода не строит — мол, дело это Горсовета и Гороно. Кстати сказать, школу № 48 строил не только завод. По субботам, в свободное от работы время родители приходили на стройку и на своих плечах переносили кирпичи—каждому хотелось, чтобы дети рабочих учились в хороших условиях. Ребятишки любовно вырастили перед зданием школы деревья, организовали пионерскую площадку — сейчас на ней открыт для взрослых дядей... ресторан.

Помещение, в котором до войны были школа ФЗО и семилетка, ныне занимают отдел кадров завода, парикмахерская, общежитие, кино, заводской цех.

Наши дети вправе спросить директора завода депутата Верховного Совета СССР тов. Зальцмана: «За что же вы нас так не любите, что не хотите дать нам возможность нормально учиться?»

Видимо, у тов. Зальцмана отсутствует забота о детях и их родителях, работающих на заводе.

Мы просим «Литературную газету» оказать помощь, дать возможность нашим детям учиться в нормальных условиях.

По поручению группы родителей

А. ВЕСЕЛОВ.

ЧЕЛЯБИНСК.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Винница.** В ближайшее время здесь состоится областное совещание чтецов-пропагандистов художественной литературы. На совещание приедут учителя, врачи, агрономы, широко организовавшие литературные чтения среди колхозников, работников МТС и совхозов.

◆ **Улан-Удэ.** Республиканская художественная галлерея организовала передвижную выставку картин.

В специально оборудованном автомобиле выставка перевозится из аймака в аймак по всем наиболее отдаленным районам республики. Сопровождающий передвижную выставку художник, демонстрируя картины, проводит с колхозниками беседы, лекции.

◆ **Днепропетровск.** 220 колхозных и сельских лекториев организовано в Днепропетровской области УССР. Лекторами в них работают 1.600 врачей, агрономов, учителей.

◆ **Красноярск.** Книгу об опыте работы мастеров высоких урожаев выпустила редакция газеты «Власть труда» Минусинского района. Авторами книги являются 12 Героев Социалистического Труда.

◆ **Новочеркасск.** Трудящиеся города отмечают трехлетие со дня смерти своего земляка писателя-драматурга К. А. Тренева. В Музее истории донского казачества организована выставка произведений писателя. Среди экспонатов—комплект газеты «Донская речь» за 1898 год, в которой появились первые литературные труды Тренева.

◆ **Ленинград.** «Боевой карандаш» — периодические многокрасочные плакаты начал издавать ленинградский Союз советских художников. Плакаты отражают различные явления жизни нашей страны и международные события.

◆ **Мичуринск.** Мичуринский горком ВЛКСМ организовал чтения, посвященные великому русскому селекционеру И. В. Мичурину.

◆ **Владивосток.** Приморский филиал Географического общества Союза ССР организует во Владивостоке выставку хранящихся в библиотеке филиала редких книг по истории путешествий и географических открытий.

◆ **Киев.** Специальную серию книг для колхозных библиотек готовит к выпуску в этом году Государственное издательство художественной литературы Украины. Будет издано 25 книг общим тиражом около 2 миллионов экземпляров.

Семен БАБАЕВСКИЙ

СВЕТ НАД ЗЕМЛЕЙ

Книга «Кавалер Золотой Звезды» написана и опубликована в номерах 4 и 5 журнала «Октябрь». Теперь читатель может сказать о ней свое окончательное слово, ибо там все, что я хотел рассказать о Герое Советского Союза Сергее Тутаринове и его станичных друзьях.

Обычно, когда писатель закончит книгу и вынужден расставаться со своими героями, на душе у него бывает и радостно и грустно. Радостно оттого, что герои книги уже живут своей самостоятельной жизнью, а грустно оттого, что приходится покидать людей, с которыми сдружился и сжился, как с родными. Так было и со мной, когда я дописал последнюю страницу «Кавалера Золотой Звезды». Рукопись уже лежала на столе, и мы с Сергеем Тутариновым уселись на диван и стали по душам разговаривать. Говорили мы о многом, о том, что вот прошли три года, написаны две книги, — хорошо написаны или плохо, нам судить трудно, пускай об этом скажет читатель. Говорили мы и о планах на будущее — он о своих, я о своих. Сергей Тутаринов сурово сдвинул свои широкие брови и сказал:

— Все, о чем ты думаешь написать в новой книге, мне нравится. Но меня ты не забывай. Я тебе еще пригожусь. Пойми, что то, о чем ты думаешь написать в будущей своей книге, есть продолжение моей жизни. Помни и о том, что я еще молод и не все сделал, что хотелось мне сделать. А это значит, что и ты не все написал, что надо было написать о наших станицах.

Я его понимаю. Мы с ним старые друзья и за три года привыкли друг к другу, хорошо узнали друг друга. И хотя мы распрощались, но я уверен, что с Сергеем Тутариновым мы еще встретимся. То большое дело, которое начато им в первые годы послевоенной пятилетки, найдет прямое или косвенное отражение в моей будущей книге.

Так же дружески расстался я и с Стефаном Петровичем Рагулиным. На прощанье старик сказал мне:

— Эге! Ты еще не все мои дела описал, как следует. Скажем, такое дело, как урожай. За него я от правительства получил Золотую Звезду, — достижения в моей жизни огромные. А ты уже думаешь, что вот тут-то я всем уже и удовлетворен. Нет! Ты видел меня героем только в первый послевоенный год, а потому и забывать меня не следует. Посмотри, что я сделаю в будущем. Хотя я и не Сергей Тутаринов, потому как Золотую Звезду получил не на войне, а тут — на пшеничном поле, но у меня жизненные планы обширные, и все эти планы направлены на урожай. Начинаем жить с электричеством, и уж тут я постараюсь вырастить такие хлеба, каких никогда и никто еще не выращивал.

Распрощался я и с молодыми героями книги, которых успел полюбить самым душевным образом.

Когда я в последний раз беседовал именно с этими молодыми людьми, то они мне сказали: «Присмотрись к нам поближе и попробуй показать то новое в быту, что уже есть у нас. Тут тебе не надо ничего ни придумывать, ни искать. Посмотри на Анюту и Савву Остроуховых. Какой благородной семейной жизнью они живут! Посмотри на семью радиста-пулеметчика Семена Гончаренко, присмотрись хорошенько и к семейной жизни Сергея Тутаринова и Ирины, и обо всем том хорошем, что есть в этой жизни, напиши в будущей книге».

Я дал слово своим добрым друзьям, что никогда их не забуду и обо всем, о чем они меня просили, напишу, напишу, не приукрашивая, так, как оно есть на самом деле.

Таким образом, с Кавалером Золотой Звезды все кончено. Но с Сергеем Тутариновым и его идеями и делами мне расставаться не хочется. И вот в будущей книге, которую я задумал написать, мне и хочется показать то движение вперед кубанской станицы, которое только намечено в «Кавалере Золотой Звезды», рассказать о том новом, что выросло у нас на Кубани в первые годы послевоенной сталинской пятилетки.

Книгу назову «Свет над землей». По одному названию видно, что в ней речь будет итти об электричестве, о той могучей силе, которая сейчас широким фронтом идет в деревню. Новый свет, свет величайшей победы нашего народа, встает над землей.

Еще не знаю, как все это получится в самой книге, но многие жизненные факты, так часто виденные мною в станицах Кубани, говорят о том, что колхозное крестьянство в настоящее время выходит на новую и широкую дорогу не только машинной техники, но и электрификации сельского хозяйства.

Один тот факт, что наряду с тракторами, машинами новых марок (я имею в виду самоходные комбайны), наряду с другой многочисленной техникой в сельское хозяйство настойчиво идет техника электричества, — этот факт весьма отраден. Тут уже воочию видно, как постепенно, но неуклонно стирается вековая грань между городом и деревней, не только во внешнем своем виде, но и в характерах и поступках самих людей.

Совсем недавно мне пришлось побывать в родном колхозе, там, где я вырос. Это небольшой хутор Маковский, вблизи Невинномысска. Сейчас там колхоз «Красный пахарь». Руководит им мой сверстник и друг детства Петр Иванович Яценко. Както в задушевном разговоре со мной он сказал:

— Все у нас хорошо, но одно плохо.

— Что ж это — плохое?

— Не можем жить без электричества.

И тут Петр Яценко раз'яснил мне, почему же нельзя на хуторе Маковском жить без электричества. Основная причина состояла в том, что у людей потребность в жизни стала совсем другая. И Петр Яценко рассказывал мне об этом с необыкновенным воодушевлением, это был вовсе не рассказ, а какая-то поэма душевных чувств. Чувствовалось, что мой сверстник на жизнь смотрит глазами и поэта и государственного деятеля. Он не удовлетворен сегодняшним днем, и не то его радует, что уже есть сегодня, а что еще будет завтра. Слушая, я не узнавал, что передо мною — друг моего детства, и не верилось мне, что когда-то, вот на этих полях, мы устраивали скачки на лошадях и были обыкновенными хуторскими парнями. Вот как растут люди и как быстро меняется их сознание, — этому надо только радоваться.

Помню, Петр Яценко сказал, что нельзя жить без электричества не только потому, что растет культура крестьян и люди хотят, чтобы свет был и в доме, и, скажем, в коровнике, в конюшне, в клубе, а, главным образом, потому, что эта новая сила должна поднять на необыкновенную высоту производительность труда хлеборобов.

— Нет, — говорит мой друг, — не в том еще суть, что зажгутся лампочки в домах, а в том, чтобы свет разлился над всей нашей землей, и тогда ты увидишь, каким красивым будет труд людей.

И самое отрадное состоит в том, что вот такие люди, как Петр Яценко, — а их уже немало, — не только мечтают о будущем, а уже делают это будущее. По инициативе Петра Яценко, в «Красном пахаре» строится своя колхозная гидростанция. Причем по своей конструкции это не обычная гидростанция. Дело в том, что хутор Маковский стоит на берегу Кубани, в ее верховьях. Река в тех местах течет быстро, и поэтому колхозники решили строить гидростанцию без отводного канала. Это гидростанция плавучая. Устраивается она на пароме из двух лодок, паром прикрепляется на тросах и стоит посреди реки. На пароме устанавливаются лапчатое колесо и генератор небольшой мощности. Точно такая же плавучая гидростанция строится в колхозе имени Героя Советского Союза Лаптева. Лаптев сейчас — председатель хуторского совета в том же колхозе, и делами своими он во многом напоминает мне Сергея Тутаринова.

Строительство таких плавучих гидростанций — дело новое. Им сейчас заинтересовались специалисты из «Сельэлектро» и даже из Москвы.

Мне часто приходится бывать в тех местах, где я рос, то-есть в станицах верховья Кубани. Интересно наблюдать те перемены, которые произошли не только в облике станиц, но и в сознании людей. Можно, например, встретить частые случаи, когда обычные рядовые колхозники с необыкновенным интересом разговаривают об электричестве. Происходит нечто резко противоположное тому, что описал американский писатель Стейнбек в «Гроздьях гнева». Машины и техника не только не разоряют крестьян, как это происходит в странах капитализма, — а приобщают жителей села к новой культуре, делают их благородными морально и духовно. В казачьих хатах нередко можно найти техническую литературу, скажем, такую книгу, как «Устройство силовых установок в колхозах и МТС». Книжка, как правило, старая, зачитанная и приобретена, очевидно, на базаре. Мал еще выбор такого рода книг в магазинах, а спрос на них большой.

Словом, даже самому ненаблюдательному человеку легко можно заметить те новые ростки в жизни колхозного крестьянства после войны, которые в недалеком будущем разовьются и пышно расцветут. Поэтому в книге «Свет над землей» мне и хочется показать то новое, что уже принесла в станицы Кубани первая послевоенная сталинская пятилетка.

Как известно, в «Кавалере Золотой Звезды» жители станицы Усть-Невинской и их соседи сделали большое дело. Они выполнили первое задание пятилетнего плана, построили межколхозную электростанцию. На этом книга и кончается. А вот что принесет это строительство людям, как оно изменит их жизнь и отношение к труду, как все это скажется на экономике колхозов,— это и будет темой книги «Свет над землей».

Я отлично понимаю, что написать такую книгу нелегко. Те новые ростки, о которых я говорил, вырастают не на чистом и хорошо вспаханном поле, а, как правило, среди прошлогоднего бурьяна и сорняков. В очень острой борьбе и в сложных противоречиях новое встает над старым. Да и люди не все одинаковые. Есть такие, которые всего боятся и от всего отворачиваются, а есть и такие, что дальше носа ничего не видят,—успехи кружат голову.

Я, например, знаю колхозы, где уже много лет есть своя гидростанция. В домах там и свет, и утюги, и электрические печки, — словом, на жизнь пожаловаться нельзя. Но дальше бытовых нужд электричество не идет. Такой колхоз обычно считают передовым, председателю создают особый почет, — как же, в домах колхозников горит свет! И председатель страшно доволен собой. Этим он всюду козыряет, на всех собраниях говорит речи только о том, что вот как у них ночью красиво выглядит станица. Человек считает, что он уже всего достиг. Мне приходилось слушать спор между таким председателем и парторгом. Парторг доказывал, что освещение квартир — дело нужное и важное, но не в том главная задача электрификации станицы. Электричество должно итти на производство, оно должно заменить тысячи рук и выполнять самые трудоемкие работы. Председатель с улыбкой отвечал:

— И чего ты все торопишься! Чего тебе еще нужно? С работой мы управляемся, хлебопоставки завсегда досрочно выполняем, задержки у нас ни в чем не бывает, люди работают дружно, трактора есть, машины есть. Чего ж тебе еще нужно?

По-иному смотрит на новое дело сельская интеллигенция, к числу которой я отношу и этого парторга. Таких передовых людей интересуют как раз вопросы механизации сельского хозяйства, и мне хочется в книге «Свет над землей» показать роль сельской интеллигенции, молодых парней и девушек, имеющих образование, показать, как они перестраивают сельское хозяйство на новый лад, как они борются с тем старым, отживающим, которое еще многим кажется передовым и новым. Показать это хочется на конкретных образах людей и на живых характерах.

Наблюдая этих молодых людей, я замечал в них очень важное качество. Они, подобно Петру Яценко, не удовлетворены достигнутым, — они смотрят в будущее.

Есть еще у меня желание показать в этой книге завидную роль коммунистов в электрификации сельского хозяйства, потому что, как правило, именно им здесь принадлежит первая скрипка. Главным же героем всей будущей книги, так же, как и в «Кавалере Золотой Звезды», будет сам народ и его созидательный труд.

Ольга Дмитриевна ФОРШ

Вл. ЛИДИН

Искусство иллюстрации

На первой выставке художников книги, организованной московским Союзом художников, были представлены работы за последнее десятилетие. Есть среди них более или менее удачные, — но все они свидетельствуют о понимании художниками своих задач, о высокой культуре и вкусе наших оформителей. Огромному большинству советских читателей знакомы такие книги, как «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и «Ад» Данте в оформлении Я. Егорова, «Десять книг об архитектуре» Даниэля Барбаро в оформлении И. Рерберга, «В людях» Горького и «Слово перед казнью» Ю. Фучика в оформлении Е. Когана. На выставке представлены также работы превосходных художников книги — Е. Кибрика, В. Фаворского, Д. Шмаринова, Б. Титова, И. Кричевского, П. Суворова, Н. Ильина, С. Телингатера.

Мне хотелось бы напомнить о тесной связи художника с писателем, существовавшей на протяжении многих десятилетий в русской литературе. Надо было хорошо прочувствовать Пушкина, чтобы выполнить иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану», как это сделал художник С. Галактионов. Надо было увидеть мир глазами Гоголя, чтобы создать классические иллюстрации к «Мертвым душам», как это сделал Агин. Надо было сочувствовать начинаниям Некрасова, чтобы так великолепно иллюстрировать выпущенные им «Петербургский сборник», «Физиологию Петербурга» или «Иллюстрированный альманах», как это сделали Бернардский, Агин и Н. Степанов.

Искусство художника книги заключается в том, чтобы не только красиво оформить книгу, но и суметь ее прочесть. Наши советские художники идут именно по этому пути. Художники Кукрыниксы с необычайной свежестью прочли Чехова. По-новому прочел Лескова в своих иллюстрациях к «Железной воле» Н. Кузьмин. Е. Коган сумел в супер-обложке и переплете книги «В людях» Горького передать настроение всего произведения. Правда, можно упрекнуть некоторых художников в излишнем использовании орнамента, в применении одних и тех же приемов при оформлении книг различного содержания и относящихся к разным эпохам. Но в основном художники верно чувствуют автора и проникаются темой его книги.

Вопросы оформления книги — не обособленные искусствоведческие вопросы, и жаль, что дискуссия о художниках книги не привлекла внимания широкого круга писателей и читателей. Выставки книг всегда устраиваются с расчетом на узкий круг посетителей.

У нас есть Полиграфический институт, где искусству делать книгу обучаются сотни студентов; есть Литературный институт, многие из питомцев которого становятся впоследствии редакторами в издательствах, т. е. людьми, близкими к созданию книги; существуют, наконец, специальные графические отделения в художественных училищах. Лучшие советские книги, иллюстрации наших художников, образцы их шрифтов и обложек должны быть своего рода университетом для нового поколения художников, редакторов и оформителей книг. Необходимо организовать «Музей советской книги» или хотя бы постоянную выставку. Это помогло бы взаимному обогащению и художников, и писателей, и читателей.

Мих. СЛОНИМСКИЙ

Нестареющий художник

К 75-летию со дня рождения О. Д. Форш

Литературный талант Ольги Дмитриевны Форш раскрылся во всей полноте только в советские годы. Писательнице было около пятидесяти лет, она прожила уже большую, сложную, нелегкую жизнь, когда в начале двадцатых годов в наших журналах стали появляться ее рассказы, зарисовки киевского, московского, ленинградского быта первых революционных лет. Насыщенные светлым оптимизмом, жизнеутверждающим юмором, произведения Ольги Форш звучали свежо и молодо, и читатель, вопреки возрасту автора, справедливо поставил имя Ольги Форш в ряд новых, молодых писательских имен, рожденных революцией.

На творчестве Ольги Форш сказалось влияние символизма. Она считала, что в советскую культуру должно войти и наследие символизма, «освобожденное от крайностей».

Заблуждения писательницы особенно чувствуются в ее романе «Современники», в котором великий русский реалист Гоголь был представлен, как отец русского символизма, а также в некоторых других ее вещах.

Работа над историко-революционной темой помогла Ольге Форш освободиться от ее заблуждений.

Большой и разнообразный жизненный опыт писательницы, богатство наблюдений, серьезное и глубокое знание, высокая культура все явственней проявлялись в ее книгах.

В середине двадцатых годов вышло первое издание общеизвестного романа Ольги Форш «Одеты камнем», пользующегося неизменной любовью читателей. Это произведение явилось первым историко-революционным советским романом. Не случайна полемика с «Князем Серебряным» А. К. Толстого, которую ведет в книге ее герой революционер Бейдеман. «И охота жевать расписной пряник на розовой водице», — говорит он. С этой «розовой водицей» борется Ольга Форш в своем романе, стремясь к реалистической отчетливости, скульптурной четкости в изображении героев и событий. Образ «одетого камнем» безвестного узника Михаила Бейдемана вылеплен рукой мастера, умеющего и в трагедии видеть будущую победу.

В романе «Одеты камнем» сцены прошлого перемежаются с изображением советской жизни. Современность органически входит в книгу.

В трилогии «Радищев» («Якобинский заквас», «Казанская помещица», «Пагубная книга») Ольга Форш впервые подошла к изображению народных масс. Она показывает те жизненные явления, которые воздействовали на Радищева, укрепляли его мечту о свободе.

Автор, естественно, без натяжки, дает, например, Радищеву услышать тихий разговор при поднятии на помост огромного колокола в дни Кучук-Кайнарджийского мира. «— Таким-то манером на помостке и наш батюшко недавно стоял... Радищев обернулся. Он понял, что разговор шел о Пугачеве. По обличью говорившие были горожане, каких много, либо мастеровые в праздничный день. — Истинно, звонил он ровно колокол... да беда, язык вырвали. — Тот, что постарше, понизив голос, добавил: — Дай срок, новый будет звон, — чай опять соберется народушко...»

Радищев стремится стать колоколом народным, хоть бы потом и язык вырвали.

Судьбы лиц, изображаемых в трилогии, развиваются естественно и правдиво. Самый выбор героев и жизненных явлений ведет читателя к пониманию движущих сил истории, к мысли о народных революционных силах.

Растет, развивается и побеждает дело узников, «одетых камнем». Побеждает закованный в кандалы, отправляемый в Сибирь Радищев. «Дело жизни сделано. Книга есть. Сколько бы ее сейчас ни преследовали, ни уничтожали, кое-какие экземпляры уцелеют». И Радищев говорит: «Потомство отмстит за меня». В этом романе явственно ощущается историческая перспектива. Вообще, в своих исторических работах Ольга Форш не занимается простым восстановлением прошлого, она стремится раскрыть прошлое России с высот нашей эпохи.

В трилогии о Радищеве уже совершенно явственно виден решительный поворот Ольги Форш к реализму. Плодотворность непрекращающихся творческих поисков писательницы ярко сказалась на ее послевоенном произведении «Михайловский замок», посвященном выдающимся русским зодчим — Баженову, Воронихину, Росси. Тема искусства, которая так волновала всегда писательницу, здесь — в центре ее внимания. Но на этот раз она решает ее иначе, чем в ранних произведениях. Единство искусства и жизни — вот основная мысль книги. Размышления о долге художника неразрывно связаны в ней с борьбой за освобождение народа.

О. Форш написала несколько книг рассказов, посвященных советской жизни. В ее умении рисовать человека несколькими штрихами, в ее добром юморе, а, когда надо, в справедливо-недоброй сатире есть нечто сродни нашим лучшим рисовальщикам, графикам, карикатуристам. Не зря писательница долгое время основным своим делом считала рисование. Эта вторая профессия очень благотворно сказывается в ее литературной деятельности.

Ольге Форш исполнилось 75 лет. Она создала немало произведений в самых разных жанрах. Ее роман «Одеты камнем» вошел в серию лучших произведений советской литературы. Ее перу принадлежит несколько пьес. Вместе с П. Е. Щеголевым писательница создала первый советский историко-революционный фильм «Дворец и крепость», она является автором сценария о Пугачеве в одноименном фильме. Ее роман «Михайловский замок» — только первая книга в задуманной ею трилогии. Последняя книга трилогии должна быть посвящена послевоенному Ленинграду.

Глубокого чувства неразрывной связи с народом исполнены лучшие страницы книг Ольги Форш. Оно дает ей творческие силы, побеждает возраст. Любовно обращается писательница с народным словом. Выразительным, красочным языком написаны ее произведения.

Мы и не пытаемся охарактеризовать все творчество писательницы в этой краткой статье, всю ее литературную и общественную деятельность. Хотелось только отметить честное и мужественное служение ее родному народу, родной стране. Ольга Форш активно работала в годы войны, активно работает и в наши послевоенные годы, живо откликаясь на все события. Талант ее остается молодым.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Кому нужна такая книга?

Государственное издательство иностранной литературы выпустило книгу американского профессора Ральфа Джерарда «Функции человеческого тела». Об'емистая книга отпечатана на прекрасной бумаге с многочисленными рисунками, одета в хороший переплет. В конце книги дана 21 таблица с «дополнительными иллюстрациями» на меловой бумаге. Словом, приложено немало стараний, чтобы издать книгу в наилучшем виде.

Книга предназначена для читателей-неспециалистов и имеет подзаголовок «Популярный очерк». Изданная по-английски еще в 1941 году, она, очевидно, обладает какими-то выдающимися достоинствами, если ее в 1947 году издают в Советском Союзе. Однако читатель, затративший на приобретение книги 20 рублей, при первом же знакомстве с ее содержанием приходит в недоумение, быстро сменяющееся чувством возмущения.

Вместо интересного и доступно написанного научно-популярного произведения, отражающего современное состояние физиологической науки, читатель видит перед собой скучную книгу, рассчитанную на людей, не только не знакомых, хотя бы понаслышке, с важнейшими успехами современной науки, но и не умеющих отличить научное мышление от ненаучного.

Маститый чикагский профессор ухитрился написать книгу по физиологии, взялся рассказывать о мозге, о психике, совершенно не касаясь огромных, общепризнанных достижений нашей отечественной науки. Для американца Джерарда нашей науки не существует, он ее цинично игнорирует. Во всей книге нет ни слова о классических физиологических работах И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Л. А. Орбели и других ученых, именами которых справедливо гордится все прогрессивное человечество. Между тем, излагать сейчас учение о высшей нервной деятельности, не освещая достижений русской, советской науки, — это примерно то же, что писать книгу по астрономии, основываясь на Птоломеевской системе мира.

Теоретический уровень книги удивительно низок, она проникнута самым примитивным механицизмом. Для автора тело человека — нечто вроде автомобиля, пища — это горючее, ночной отдых — гараж для машины (стр. 7). Мышцы уподобляются «рабочим», железы — это «повара» и «поставщики» (стр. 39).

На стр. 98 автор проводит такую «глубокомысленную» аналогию: организмы различной степени сложности сравниваются с часами: простые часы — это бактерия, а нервные клетки — хронометры. Наш читатель давно уже перерос такие механистические представления!..

Без всякой критики читателю подносится вздорная «теория», согласно которой «сон представляет собою нормальное существование животных, а бодрствование — это проявление «затруднительного положения», временно возникающего под влиянием таких жизненно важных потребностей, как потребность в пище, тепле и т. п.» (стр. 274). Автор ограничивается тем, что квалифицирует эту антинаучную «теорию» как «интересную»!..

Кому нужны длинные рассуждения американского профессора относительно измерения умственных способностей при помощи психотехнических тестов (стр. 261 — 264) или обывательские «профессорские» остроты насчет умственных способностей мужчины и женщины (стр. 257)?

На стр. 278 автор безоговорочно заявляет, что «всегда сильные эмоции выхватывают у разума вожжи управления поведением и опрометчиво толкают нас на дела, на которые рассудок наложил бы неумолимое вето».

Особенно плохо, путанно, разбросанно написаны главы «Поведение и разум» и «Защитные свойства организма». Вообще книга Джерарда представляет собой не цельное научно-популярное сочинение, а нечто вроде собрания фрагментов.

Книга не только мало научна, она суха, скучна и написана отнюдь не популярным языком. Повсюду встречаются выражения: «неправильности альтернативной возможности» (стр. 127), «система функционирующего организма», «гомеостатические механизмы» (стр. 131), органеллы, цитоплазма, субмикроскопирование, ингредиенты, адэкватность, лябильность и т. п. Все эти термины употребляются без об'яснений. Имеющийся же в конце книги «Словарь терминов» сделан безграмотно: это не то словарь, не то предметный указатель.

Редакция снабдила каждую главу списком литературы на русском языке. Списки эти составлены непродуманно и включают преимущественно очень специальные работы (например, монография Н. Е. Введенского, изд. 1884 г.). Для более глубокого знакомства с Мечниковым рекомендуется только неверная книга Поля де Крюи и не указываются новые советские научно-популярные книги (Зильбера, Гремяцкого и др.).

Книга имеет предисловие В. Ф. Мирека. Предисловие это — образец беспринципности. Автор пишет, что книга Джерарда отличается «антиисторизмом», «обезличенной манерой изложения», обнаруживает «очевидное незнакомство Джерарда с русской физиологической наукой». Но тут же он заявляет: «Книга имеет известные (!) достоинства образовательного порядка». Какие же «достоинства» имеет в виду В. Ф. Мирек, если учесть, что «популярный очерк» Джерарда представляет собою образец безграмотности и механистического подхода к физиологической науке!

Ю. МИЛЕНУШКИН

Ральф Джерард. «Функции человеческого тела». Популярный очерк, перевод с английского Ф. Шапиро. Предисловие В. Мирека. Москва, 1947 г. Гос. изд-во иностранной литературы, 310 стр., с илл., 21 стр. илл. Цена 20 руб.

Ц. СОЛОДАРЬ

Серьезный разговор о „легком“ жанре

Несколько лет назад один драматург доверил мне сокровенный свой помысел:

— Как хочется написать хорошую, веселую оперетту. Но... под псевдонимом напишешь — перед театром неудобно, свое имя поставишь — замарать можно...

Я не вспоминал бы этих маловразумительных признаний целомудренного драматурга, если бы и сейчас еще кое-кто из литераторов и театральных деятелей не говорил об оперетте стыдливо.

До сих пор, как это ни странно, к оперетте пренебрежительно относятся многие из тех, кому по роду своей творческой деятельности надлежит всемерно развивать этот популярный жанр театрального искусства.

При старом руководстве Комитета по делам искусств всерьез говорить об оперетте считалось дурным тоном. Авторов, работающих в области оперетты, в Союзе композиторов относили к «второсортным». Секция драматургов ССП считала ниже своего достоинства заниматься опереттой.

А зрители? А зрители с нетерпением ждали, когда на смену баядеркам и веселым вдовам на сцену музыкального театра выйдут наши жизнерадостные современники. Ведь еще десять лет назад зрители тепло приветствовали появление первых ростков советской — в настоящем смысле слова — оперетты в спектакле «Свадьба в Малиновке». Почему это музыкально и драматургически далеко не совершенное произведение до сих пор не сходит со сцены? Благодаря народности темы и сюжета, благодаря жизненности образов простых людей, которым оно посвящено.

К сожалению, авторы, работавшие в жанре оперетты, не сумели закрепить и развить то новое, что заключала в себе «Свадьба в Малиновке». Десятки произведений и спектаклей после нее не выдержали испытания временем. Это произошло потому, что драматурги и композиторы, с одной стороны, пытались приспособить устаревшие каноны западноевропейских оперетт к советской действительности, а с другой, уходили от событий и явлений нашей жизни в псевдоисторический или зарубежный мир. Так появились «Холопка», «Коломбина», «Чужая дочь», «Дочь фельдмаршала», «Сирень-черемуха» и им подобные продукты низкопоклонства перед западными формами опереточного жанра.

Ревнители этой продукции аргументировали тем, что жанру оперетты противопоказаны, мол, глубокие мысли и высокие чувства наших современников. Какой вздор! А музыкальная комедия В. Вишневского, А. Крона и В. Азарова «Раскинулось море широко» (музыка Ю. Свиридова), посвященная героическим подвигам моряков в дни Отечественной войны! А оперетта В. Винникова, В. Крахта и В. Типота «Вольный ветер» (музыка И. Дунаевского) о борьбе славянских народов за свою независимость! Успех этих спектаклей — веселых и, вместе с тем, по-настоящему трогающих сердце советского зрителя, говорит о том, что наши люди вовсе не хотели от опереточного спектакля бездумности, что в основе веселых опереточных спектаклей не обязательно должен лежать «пустячок».

Можно только приветствовать появление оперетт из жизни народов стран новой демократии. Нужны также и сатирические оперетты, бичующие идеологию капитализма.

Большой разговор о дальнейших путях советской оперетты давно назрел. Во многих театрах еще процветает низкопоклонство перед канонами западноевропейской оперетты. В Ленинградском театре музыкальной комедии постановка «Беспокойного счастья» явилась неудачной именно потому, что на первом плане оказались лишь внешние эффектные номера.

Композиторы и драматурги часто увлекаются опереттами на иностранные темы, перенося советских героев за границу. Иногда это является всего-навсего завуалированной попыткой протащить фокстротно-блюзовую музыку западного толка.

Русские театры оперетты явно недооценивают богатство музыкального искусства братских республик. До сих пор наши ведущие театры не создали ни одного музыкального спектакля на украинском, грузинском, белорусском материале.

Главная неудача многих наших оперетт заключается в слабом идейном и художественном уровне их драматургического материала. Так, оперетта талантливого композитора В. Соловьева-Седого «Верный друг» страдает прежде всего из-за плохого либретто (автор В. Михайлов), в основу которого положен надуманный конфликт. Вряд ли стоило композитору Б. Мокроусову писать музыку для оперетты «Роза ветров» (либретто И. Луковского), где рассказывается о любовных похождениях за границей офицеров эскадры адмирала Ушакова. Благодаря низкому художественному уровню либретто А. Гендельштейна и И. Петровой не увидела света оперетта А. Лепина «Есть на Волге городок».

Это очень тревожные сигналы. Тщетно ждут хороших либретто И. Дунаевский, Б. Александров, Б. Мокроусов, К. Листов, А. Новиков и другие. А это значит, что тщетно ждут новых советских оперетт десятки тысяч зрителей, заполняющих ежедневно пятьдесят театров оперетты страны.

Почему перестали писать для оперетты А. Софронов, А. Крон, А. Файко, М. Слободской, В. Дыховичный? Почему В. Шкваркин, К. Финн, И. Шток, Н. Эрдман, ограничив себя работой (правда, весьма нужной) над новыми текстами старых оперетт, не создают новых произведений из жизни своих современников? Не потому ли, что иные драматурги еще по сей день боятся «замарать» себя участием в этом чудесном жанре, который на нашей сцене должен и может стать средством идеологического воспитания зрителей?

Интересной вехой на пути утверждения подлинной народности и глубины содержания опереточного спектакля является последняя работа Московского театра оперетты «Беспокойное счастье» (Е. Помещикова, Н. Рожкова и В. Типота, музыка Ю. Милютина, постановка И. Туманова), написанная по мотивам киносценария «Сказание о земле сибирской». Несмотря на недостаточную музыкальную выразительность, «Беспокойное счастье» подкупает зрителя правдивым показом живых образов современников.

Плодотворно работает над современным опереточным спектаклем и Свердловский театр музыкальной комедии.

Дореволюционное русское искусство не оставило нам не только классических, но даже сколько-нибудь приемлемых образцов русской оперетты. Если в области оперы мы можем развивать традиции непревзойденной русской оперной классики, то оперетту мы должны создавать заново. Это трудная, но выполнимая задача, которая может быть решена совместными творческими усилиями композиторов и драматургов, ибо в оперетте острое слово и брызжущая искрометным весельем музыка— равнозначащие компоненты произведения.

Наши театры должны также по-новому прочесть классические оперетты. К работе над их новыми текстами следует привлекать квалифицированных литераторов.

К жанру оперетты надо относиться столь же уважительно, столь же требовательно, как ко всем другим областям социалистического искусства. Советскому зрителю нужна оперетта веселая, увлекательная, бурная, умная, обладающая лучшими чертами народности своего жанра.

Великий русский революционер-демократ Виссарион Григорьевич Белинский

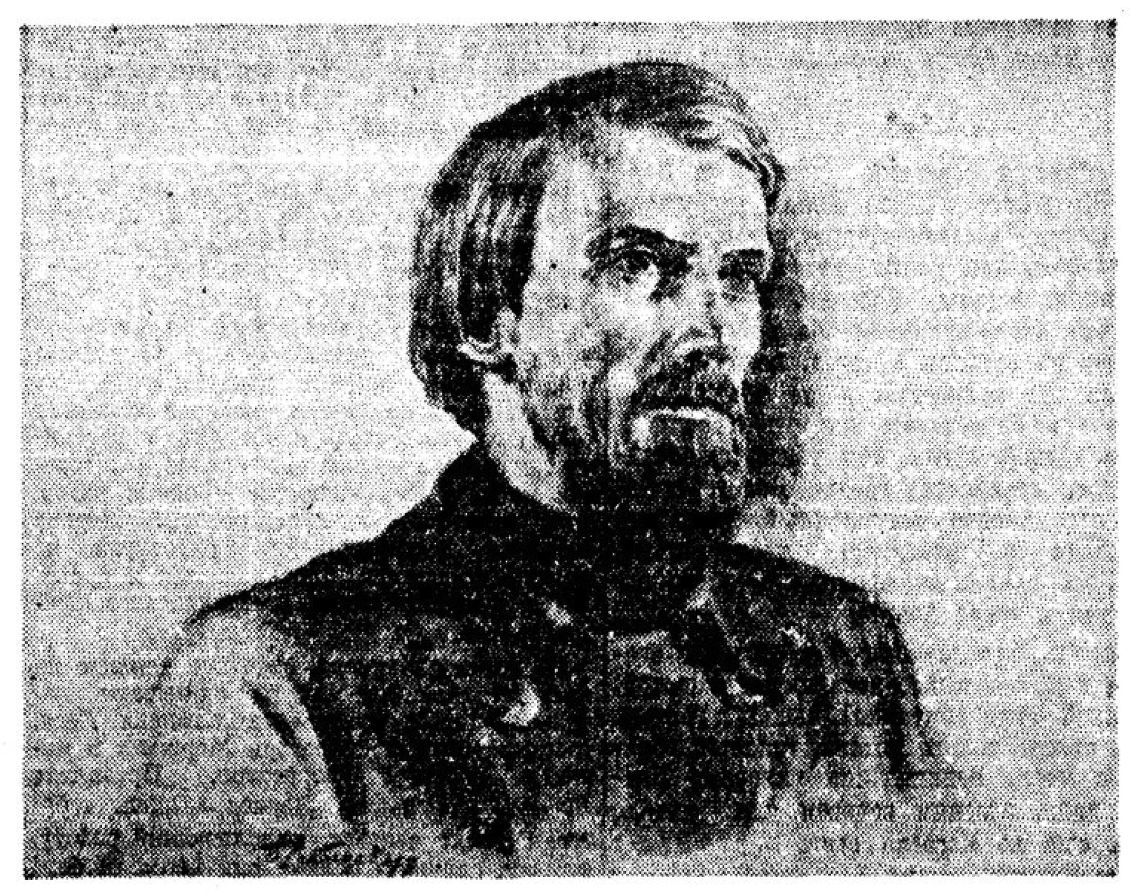

Рис. худ. Б. ЛЕБЕДЕВА.

Сто лет прошло с тех пор, как перестало биться горячее, страстное сердце неистового Виссариона, великого русского революционера-демократа, критика-трибуна, одного из самых славных деятелей нашей отечественной истории и литературы.

За это время светлый образ не потускнел, не покрылся архивной пылью истории. Белинский близок и дорог нам, людям советской эпохи. С каждым годом его творческий облик раскрывается перед нами все глубже и ярче. Мы воспринимаем его, как верного друга, испытанного союзника в нашей сегодняшней борьбе за торжество идей коммунизма, за расцвет советской культуры.

Пламенный патриот, смелый противник всякого гнета и насилия над человеческой личностью, над миллионами тружеников, поборник общественного служения искусства, руководитель литературы, всю жизнь отстаивавший высокие принципы идейности, народности и реализма, — Белинский является нашим предшественником.

Именно так оценивал его значение Ленин.

В своей знаменитой работе «Что делать?», определяя задачи русского революционного движения и русской социал-демократической партии, Ленин писал:

«...**Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.** А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»

В грозные дни 1941 года мудрый вождь советских народов И. В. Сталин поставил имя Белинского в ряд с величайшими деятелями, мыслителями и художниками русского народа, составляющими его гордость и бессмертную славу.

Имя Белинского неразрывно связано с народом, с его борьбой за свободу, с его лучшими чаяниями и надеждами. И поэтому оно так же бессмертно, как бессмертен народ, которому Белинский отдал всю свою жизнь до последнего дыхания.

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ, СЫНОМ СВОЕГО ОБЩЕСТВА И ЭПОХИ

В своих работах Ленин с исчерпывающей ясностью определяет связь Белинского — революционного деятеля и критика с судьбами русской революции.

«Освободительное движение в России прошло три главные этапа, — читаем мы в ленинской работе «Из прошлого рабочей печати в России», — соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время».

Наметив эти три главных этапа, три исторических периода в развитии русской революции, Ленин так определяет место Белинского: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский».

Сознательная жизнь Белинского началась в годы тяжелой самодержавно-крепостнической реакции. Восстание декабристов 1825 года закончилось поражением. Вожди восстания были повешены, а участники — офицеры и солдаты — брошены на каторгу, в далекую Сибирь. Черные крылья реакции распростерлись над страной. Николай Палкин боялся малейшего проявления свободолюбивой мысли, зверски расправляясь со всеми, кто отказывался беспрекословно подчиняться царскому указу, полицейскому циркуляру.

«Мы живем в страшное время»,—писал Белинский.

Крепостническая Россия, по словам автора знаменитого «Письма к Гоголю», представляла собою «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек...»

Однако эпоха 30—40-х годов — эпоха гнета невиданно дикого и реакционного царизма, жестокой, кровавой расправы с лучшими сынами русского народа, безудержной и изуверской николаевской реакции — не была эпохой застоя, упадка, уныния. Гром пушек, раздавшийся на Сенатской площади, «разбудил целое поколение» (Герцен).

В 30-е годы, в пору тягчайшего самодержавно-полицейского гнета и произвола, усиливаются революционные, философские, теоретические искания. Кружки Станкевича, Герцена и Огарева, напряженная борьба западников и славянофилов, острые и бурные полемические схватки, споры о путях развития России, о средствах борьбы с николаевским режимом — все это так или иначе отражало рост русской общественной революционной мысли.

Жизнь Белинского, все его устремления и мысли нерасторжимо связаны с общественной жизнью его эпохи. «Свобода творчества, — писал критик, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями».

Все общественные вопросы эпохи 30 — 40-х годов сводились к одному главному вопросу — к борьбе с крепостным правом. Эта борьба стала делом всей жизни Белинского.

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века,— писал Ленин, — передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Эти ленинские слова дают ключ к пониманию всего жизненного и творческого пути критика-революционера.

Сложными и трудными были его поиски «правильной революционной теории». Ища ответа на жгучие социальные вопросы эпохи, Белинский иногда ошибался, временно отклонялся от намеченного пути, но, смело и мужественно преодолевая ошибки, снова шел — вперед и вперед.

БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ

Белинский родился в 1811 году в семье флотского лекаря. Тяжелым, трагическим было его детство. С ранних лет он узнал «немолчный вопль нужды». Отец его был грубым и деспотичным человеком, который, как сам Белинский вспоминал позднее, «меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и ругал площадно — вечная ему память. Я в семействе был чужой».

Окончив Чембарское уездное училище и проучившись три года в Пензенской гимназии, юноша Белинский уезжает в 1829 году в Москву, где поступает на словесный факультет Московского университета.

Учась в университете, он создает свое первое крупное произведение — драму «Дмитрий Калинин». Ее главная, стержневая мысль — решительный, бескомпромиссно-резкий протест против крепостничества. Вся пьеса дышит жгучей ненавистью к крепостникам-помещикам.

Неудивительно, что эта мятежная пьеса ужаснула цензуру, назвавшую ее «безнравственной, позорящей честь университета». Вскоре автор «Дмитрия Калинина» был исключен из университета с формулировкой, представляющей собой непревзойденный образец полицейско-иезуитского ханжества, лицемерия и мракобесия — «исключить... по слабости здоровья и по ограниченности способностей».

Два года спустя, в 1834 году, в журнале «Молва» появилась первая крупная статья Белинского — «Литературные мечтания (Элегия в прозе)». Она поразила читателей горячим воодушевлением, глубиной и серьезностью мысли, широтой познаний молодого автора. Уже здесь критик намечает принципы реализма и народности литературы.

Однако, Белинский еще не выступает в эти годы, как революционер-демократ. Он еще наивно надеется, что постепенное распространение просвещения и цивилизации приведет русский народ к счастью. По своим философским взглядам молодой Белинский стоит на позициях идеализма. Он с увлечением читает работы немецких философов-идеалистов — Фихте, Шеллинга, позднее — Гегеля.

В трудах немецких философов его привлекла идея диалектического развития, к которой он и сам стихийно подходил. Однако, он с самого начала решительно преодолевает и отвергает консерватизм и филистерскую ограниченность немецких философов-идеалистов.

Но в течение некоторого времени (1837—1839) Белинский разделял гегелевское положение о «примирении с действительностью». Эта точка зрения нашла отражение в некоторых его работах этих лет — в статье «Менцель, критик Гете» и других.

Поворот в мировоззрении и творчестве Белинского к решительному и безоговорочному революционному отрицанию «гнусной действительности» был неизбежен. Он подсказывался всем ходом развития русской общественной жизни, русской революционной мысли; он был предопределен главной тенденцией всей деятельности Белинского — его устремлением к свободе, к революционной борьбе за счастье народа.

И Белинский решительно расправляется со своими прежними заблуждениями.

Он гневно обрушивается на Гегеля за его реакционные политические убеждения, с возмущением говорит о преклонении Гегеля перед прусскими порядками.

«...Подлецы, тираны человечества!—пишет он о прусском правительстве. — Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!»

Решительно отвергнув гегелевскую идею «примирения противоположностей», Белинский смело и безоговорочно осуждает николаевский строй.

С огромной силой призывает он к **отрицанию существующей действительности, к революционной борьбе с ней,** зовет к деятельности во имя освобождения человека. Добиться освобождения человеческой личности можно не путем освобождения индивида, **а только путем революционного переустройства всего общества,** — вот вывод, к которому приходит Белинский, один из первых русских революционеров-демократов.

В 40-е годы Белинский прочно становится на позиции материализма и социализма, который стал для него «идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания».

Критик-революционер и демократ, Белинский разоблачает лозунг «искусство для искусства», ведет борьбу за литературу, связанную с общественными вопросами эпохи. Именно в этот период он закладывает основы той материалистической и демократической эстетики, которая будет унаследована и развита Чернышевским, Добролюбовым в 60-е годы.

В 1846 г. Белинский порывает с издателем «Отечественных записок» Краевским, безжалостно эксплоатировавшим его, и переходит в некрасовский «Современник», где печатает лучшие свои работы, знаменитые обзоры русской литературы за 1846 и 1847 годы.

В общественной, философской и литературной деятельности Белинского воплотились лучшие черты передовой русской национальной культуры — ее духовная самостоятельность, смелость, ее неповторимое своеобразие, предопределенное особыми конкретно-историческими условиями развития, ее неразрывная связь с общественно-политической жизнью страны, с народным освободительным движением, с лучшими чаяниями угнетенных масс.

Передовая русская общественная мысль превзошла и оставила далеко позади себя немецкую философию с ее идеалистической абстрактностью и метафизичностью, реакционностью, косностью, филистерской ограниченностью. Белинский — деятель и мыслитель был на голову выше не только немецких философов, но и французских социалистов-утопистов, потому что он прямо связывает вопрос о свободе и счастье человечества с идеей революционного преобразования жизни. Белинскому-революционеру претит дух буржуазной «добропорядочности» и «благонамеренности» английских экономистов.

ЭТО — ГЕНИАЛЬНАЯ ВЕЩЬ, ЗАВЕЩАНИЕ ЕГО

Итогом всего идейного и творческого пути, пройденного Белинским, явилось его знаменитое «Письмо к Гоголю».

Именно так определил Ленин значение этого величайшего документа русского освободительного движения.

«Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору», — писал Ленин в 1914 году.

Письмо Белинского было написано по поводу реакционной книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшей в 1847 году. В этой книге Гоголь, отрекаясь от своих прежних художественных произведений, выступил в роли проповедника, защитника крепостного права, самодержавия и религиозного мракобесия. Книга Гоголя вызвала глубокое негодование лучших представителей передовой русской общественной мысли.

Свое письмо к Гоголю Белинский пишет за границей, не стесненный царской цензурой. В этом письме он жестоко бичует Гоголя за то, что он, оказавшись во власти реакции, «во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **неумытыми рылами**».

Уничтожение крепостного права — вот главный вопрос времени, — утверждает критик.

Герцен, познакомившись впервые с письмом Белинского, сказал: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».

Великий мыслитель выступил в этом своем завещании против самих **основ** существующего строя — против крепостного права, самодержавия, православной церкви.

Письмо Белинского возвещало о приближении новой волны революционно-освободительного движения. Оно может быть названо манифестом русской демократии.

В этом — секрет той огромной популярности, какую имело «Письмо» среди передовых деятелей, несмотря на строжайшие запреты, полицейские расправы и преследования. Не было уголка в России, где бы революционная молодежь не читала его с восторгом, не заучивала наизусть.

Однако, дни самого Белинского были сочтены.

Тяжелая болезнь (туберкулез), лишения, невылазная нужда, преследования и обыски жандармов, необходимость много писать, — все это надорвало его здоровье.

Один из друзей Белинского говорил в письме, относящемся к последним годам жизни великого критика:

«Белинский умирает с голоду и работает из куска хлеба. Доктора советуют отдохнуть,—но где средства, чем жить?»

26 мая (7 июня н. с.) 1848 года Белинского не стало.

Когда, годом спустя, было раскрыто дело петрашевцев, у которых было найдено «Письмо к Гоголю», шеф жандармов Дубельт выразил сожаление, что Белинский уже умер — «иначе бы мы его сгноили в крепости».

НАРОДНЫЙ ТРИБУН

Разоблачая реакционную, антинародную сущность сборника «Вехи», авторы которого выступили после разгрома русской революции 1905 года с ренегатскими статьями, где они отрекались от лучших революционных и демократических традиций русской истории и культуры, пытаясь свести их к «интеллигентским», как они презрительно выражались, настроениям, Ленин писал:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения»... «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар»...

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»

В ленинской концепции русского освободительного движения нашли гениальное и неопровержимо убедительное об'яснение революционная сила, пафос Белинского, Чернышевского и Добролюбова, отразивших нарастающий протест народных масс против крепостнического произвола и капиталистического гнета.

В революционной борьбе за свободу народа Белинский выступал не только против крепостников-помещиков. Постепенно перед ним раскрывались во всем отвратительном цинизме гнойники капиталистического строя, бездушие и антинародность буржуазии.

Интересы народа и буржуазии прямо противоположны; капиталист — это существо, враждебное всему человеческому, — вот выводы, к которым подходит мыслитель.

«...Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят».

Вопреки всему тому, что пытались приписать Белинскому буржуазно-либеральные критики, он решительно отвергал западноевропейский буржуазный порядок.

«Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с капитализмом и собственностью, чем Европа», — говорил он.

Однако, Белинский не мог подняться до уровня научного социализма. Живя в условиях самодержавно-крепостнической страны, он не видел еще реальных, конкретных путей от капитализма к социализму. Пролетариат в его представлении это только класс обездоленных, страдающих людей, а не решающая революционная сила.

Подобно Герцену, Белинский «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах» (Ленин).

Белинский стремился к народу, звал его к революционному действию, но закрепощенный народ не шел дальше стихийных волнений и бунтов.

Великая революционная буря — движение самих масс — была еще впереди.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЖИВУ И ДУМАЮ, ТЕМ БОЛЬШЕ ЛЮБЛЮ РУСЬ

Замечательная особенность Белинского, как и его великих продолжателей — Чернышевского, Добролюбова, писателей-шестидесятников, состоит в том, что любовь к родине у них неразрывно связана с любовью к свободе, патриот и революционер нераздельны.

Белинский всей душой любил родной народ, почитая, по собственным его словам, «за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе».

Он не раз говорил в своих статьях о «хороших свойствах русского человека» — о «бодрости, смелости, находчивости, сметливости, переимчивости», об этой «отваге, этой удали, этом широком размете души... этой несокрушимой мощи и бодрости духа».

Он глубоко верил в великие творческие и созидательные возможности, заложенные в русском народе, указывая на исключительную разносторонность духовных интересов русского человека.

Он гордился героическими страницами прошлого России, когда она отстаивала свою свободу, честь и независимость в кровопролитной борьбе с чужеземными пришельцами.

Белинский любил свое отечество живой, горячей, деятельной любовью. Патриот-революционер, он беспощадно разоблачал лжепатриотизм славянофилов, их идеализацию патриархально-помещичьих отношений в России, защиту старых порядков и устоев.

Патриотизм Белинского решительно отвергал «мертвое довольство тем, что есть».

«Любить свою родину, — писал он, — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае, патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством».

Разоблачая консерватизм славянофилов, умилявшихся «кротостью», «незлобивостью», «многотерпеливостью» русского человека, Белинский с не меньшей яростью обрушивался на «западников», которые отрекались от русской культуры, русских освободительных традиций во имя куцых и узеньких «идеалов» европейской буржуазной «благонамеренности».

Белинский с любовью и уважением относился ко всему ценному, прогрессивному в сокровищнице мировой общественной и художественной мысли, но он никогда не менял своего русского революционного первородства на чечевичную похлебку буржуазной космополитической лжекультуры.

«Космополит, — писал он, — есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Замечательные слова, которые не мешало бы напомнить иным современным поклонникам А. Н. Веселовского и прочим современным «западникам»-космополитам.

ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ КРОВЬ

Белинский утверждает общественную роль искусства.

«Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, — писал он,— потому что это значит — лишать его самой живой силы, то-есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев».

Это стало девизом писателей и критиков революционно-демократического лагеря.

Искусство не может отделить себя от судьбы народа, — утверждают Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Они разоблачают защитников так называемого «чистого искусства», которые, вольно или невольно, становились на антинародные позиции, оказывались прислужниками господствующих классов.

В лице Белинского слились воедино теоретик литературы и ее организатор, литературовед и критик. Поистине необ'ятна роль, сыгранная им в развитии нашей отечественной литературы.

«Белинскому, — писал Н. Шелгунов,— нужно было перечесть все, что написала и напечатала Россия в течение ста лет, каждому писателю определить его место, раз'яснить задачи искусства, покончить царивший в искусстве хаос понятий, уничтожить литературные суеверия, господство старых авторитетов и завоевать новому движению мысли то передовое место, которое у него оспаривали люди старых понятий».

О каком бы из современников ни писал критик, творчество каждого писателя он осмысливал исторически, в преемственной связи с предшествующей литературой. Поэтому у него не было, да и не могло быть того разделения, разрыва на «академическую науку» и «критику» — разрыва, который является печальным и, к сожалению, до сих пор еще не изжитым наследием буржуазно-либеральной школы.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский с полным основанием назвал Белинского первым **историком русской литературы.**

Определяя в своих критических статьях основные периоды русской литературы, ее магистральный путь, Белинский видит главную ее черту во все большем сближении с реальной действительностью, с миром народной жизни, во все более решительной и смелой критике самодержавно-крепостнического строя.

Значение Пушкина, раз'ясняет он, заключается в том, что в его лице русская литература, отказавшись от мертвых схем классицизма, от фальшивой слезливости сентиментализма и крайней суб'ективности романтизма, прочно встала на путь реализма и народности, на путь правдивого изображения жизни и последовательного отстаивания народных интересов.

В творчестве Гоголя и писателей так называемой «натуральной школы» революционер-демократ увидел новую ступень в развитии литературы, ее смелое обращение к жизни социальных низов, критику николаевской действительности.

Белинский был бережным и внимательным **наставником** русских писателей. Чуткий и отзывчивый на каждое верное слово, он всегда был беспощадно резким и гневным по отношению к тому, что стояло на пути передовой литературы, поборницы народных интересов.

Великий критик внимательно и напряженно следил за развитием литературы. Выход в свет новой хорошей книги, появление нового талантливого писателя было для него огромной **личной** радостью. По первым книгам Тургенева, Кольцова, Некрасова, Герцена, Гончарова он с гениальной прозорливостью определял зарождающуюся **тенденцию** творчества каждого из этих писателей.

Проникновенный и целеустремленный идейно-художественный анализ приводил его к раскрытию важных, существеннейших сторон мировоззрения и творчества художника. Белинский помогал писателю найти верную дорогу. Хорошо сказал об этом М. И Калинин в беседе с начинающими авторами:

«К примеру, Гоголь. Кто лучше понимал его творчество, он сам или Белинский? Я думаю, что Белинский лучше понимал творчество Гоголя, чем сам Гоголь».

Литературные образы не теряли под пером Белинского своего живого обаяния и неповторимой индивидуальности, но неизменно получали в его статьях как бы **второе рождение,** представая перед читателем еще более ясно обрисованными, еще более глубоко осознанными в широкой перспективе исторических путей родины, в свете больших философских идей. Так литературный образ обретал под вдохновенным пером Белинского новое идейно-художественное качество.

Образы Чацкого, Печорина, Онегина, Бориса Годунова, Чичикова, Адуева, нарисованные кистью замечательных художников, неразрывны в нашем сознании от того, как очертило их гениальное перо Белинского, наметив и выделив главные, определяющие линии.

Высокая идейность и принципиальность, не знающая никаких компромиссов и сделок со своей совестью, полная внутренняя убежденность в правоте отстаиваемых принципов, верность правде жизни, интересам народа, жаркая страсть и непримиримость к идейным противникам и отечески-любовное, бережное отношение ко всему, что есть и рождается в литературе нового, ценного, талантливого, — вот чему должны учиться у Белинского наши критики и литературоведы.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ БЕЛИНСКИЙ

Тяжелой была судьба неистового Виссариона. Он звал революцию, но ему не довелось увидеть народ поднявшимся на решительный штурм царизма и капитализма.

Великая очистительная буря Октября, прошумевшая над страной, принесла свободу и счастье миллионам угнетенных людей.

Революция освободила слово Белинского от запрета и преследований.

Враги Белинского, враги русского народа — царские палачи и насильники, полицейские жандармы и цензоры, эти тюремные надсмотрщики над литературой, черносотенцы и погромщики, рыцари либерального языкоблудия, — все они — одни тайно, другие явно — боялись и ненавидели Белинского.

Немало трудились либералы от литературоведения, эти лакеи буржуазии, над тем, чтобы заглушить страстную проповедь неистового Виссариона, обезвредить его жгучие статьи, звучавшие, как набатный призыв к действию. Пуще огня боялись они того, о чем мечтали великие писатели-демократы, боялись того времени, когда свободный русский народ «Белинского и Гоголя с базара понесет».

Ленин всегда без пощады и снисхождения разоблачал эти трусливые попытки либералов.

В своей работе «Еще один поход на демократию» Ленин писал:

«... Какое «беспокойство»! — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела на деле этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю».

Слово Белинского, освобожденное от царского запрета, от цензурных препон и рогаток, от враждебных искажений и либеральных лжетолкований, слышно сегодня всему советскому народу, всему миру.

* * *

«... Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы», — писал В. И. Ленин.

Советский народ, идущий под великим знаменем Ленина—Сталина к коммунизму, вспоминает сегодня с великой любовью и благодарностью своего замечательного предшественника и боевого союзника—Виссариона Григорьевича Белинского.

Партия большевиков всегда подчеркивала огромное значение наследства революционеров-демократов.

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов говорил: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого. В области литературы наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова».

Великое наследство русских революционеров-демократов — в надежных, крепких руках большевиков, всего советского народа.

Б. КУЗНЕЦОВ

Поездка по Италии

Путевые заметки

В Италии еще до сих пор повсюду сохранились следы недавней избирательной «битвы». Обилие плакатов и лозунгов, исписанные призывами стены все еще придают городам и поселкам необычный вид.

Впрочем, о недавних выборах напоминают не только избирательные плакаты и обращения. Проводя различные частные беседы, слушая выступления на митингах и с'ездах, мы имели возможность не раз убеждаться в том, что итальянский народ попрежнему уверен в своих силах и готов бороться за торжество демократии.

Для настроений рабочего класса Италии весьма показателен конгресс горняков, проходивший в начале мая во Флоренции, где все выступавшие выражали свою солидарность с программой Народного демократического фронта.

Но конгресс этот характерен и с другой точки зрения — на нем очень ярко проявилось единство передовой интеллигенции Италии с рабочим классом.

Профессор Флорентийского университета инженер Моретти сделал на конгрессе доклад о состоянии горнорудной промышленности Италии и призывал инженеров и техников совместно с рабочими-горняками встать на защиту итальянской индустрии от покушений американских монополий.

В прениях выступил также профессор Энцио Бартолини. Он произнес пламенную речь, в которой подчеркнул, что угольная проблема является международной проблемой. Бартолини резко критиковал позицию итальянского правительства и предпринимателей, заявляющих: «Зачем нам заботиться о судьбах и развитии угольной промышленности, если мы получаем уголь из Америки?» В результате шахты закрываются, горнякам угрожает безработица.

Италия уже сегодня — страна массовой безработицы. Примерно, одна треть всех рабочих не имеет работы. И, тем не менее, с каждым днем безработица продолжает расти.

Жизненный уровень трудящихся крайне низок. Так, например, квалифицированный горняк получает с надбавкой на подземную работу и на дороговизну 900 лир в день (на наши деньги меньше 9 рублей). Для сравнения укажем на то, что самый средний обед в непервоклассном ресторане стоит 1200—1500 лир. Рабочие средней квалификации получают еще меньше, а заработок неквалифицированных рабочих совсем мал. Почти половину зарплаты приходится тратить на оплату квартиры. Рабочий не может позволить себе купить ни мяса, ни масла. Что касается продовольствия, выдаваемого по карточкам, то нормы очень невелики, а на черном рынке цены на продукты в два-три раза выше твердых цен.

О бедственном положении рабочего класса в Италии красноречиво говорят и многие внешние признаки. Даже в Риме вы сразу различите, где живет беднота. В рабочем квартале Сан-Лоренцо улицы не убраны, дома имеют весьма запущенный вид.

В противоположной части города находится улица Тунизи, начинающаяся от музея Ватикана. Вы смотрите с горы, — перед вами узкая, грязная улица с таким же грязным рынком. Вы спускаетесь по улице вниз, — она кишит беспризорными ребятишками в возрасте 5—6 лет, сидящими или бегающими по панели и мостовой в рубашках, босиком или в изодранных ботинках...

* * *

В Риме много газетных киосков. В итальянской столице выходят 24 газеты, но только 4 из них — газеты демократического направления, а остальные — официальные или неофициальные органы правых партий. Тиражи большей части правых газет распродаются далеко не полностью. Так, тираж ватиканского официоза «Оссерваторе романо» расходится меньше чем наполовину.

Большой популярностью пользуется коммунистическая газета «Унита». У редакции газеты, у зданий районных организаций компартии — всюду, где вывешена «Унита», всегда толпятся читатели. Во Флоренции местное издание «Унита» (она выходит в четырех изданиях: римском, флорентийском, неаполитанском и миланском), как правило, целиком раскупается еще утром.

В книжных лавках поражает обилие католической литературы на итальянском и французском языках: книги по истории религии, по проблемам религиозного воспитания и т. д.

В продаже много книг о дореволюционной и советской России — это говорит о несомненном интересе читателей к прошлому и настоящему нашей страны. Из 15—20 книг, взятых случайно, без выбора, 4—5 книг — на русские темы.

Однако, что это за книги? В большинстве это переводная (с английского или французского) литература, носящая более или менее ярко выраженный антисоветский характер и рассчитанная на то, чтобы дезинформировать читателя о действительной жизни и культуре Советского Союза.

Издаются здесь, правда, в значительно меньшем количестве, и правдивые книги о Советском Союзе. Они пользуются огромным успехом.

Издательство Эйнауди (крупный издатель-коммунист, сын только что избранного президента — члена либеральной партии) выпустило «Непокоренные» Бориса Горбатова, «Молодую гвардию» Александра Фадеева, «Падение Парижа» Ильи Эренбурга и многие другие произведения советских писателей. Все эти книги очень быстро разошлись, и достать их сейчас на книжном рынке невозможно.

В Риме, как и в других крупных городах, бросается в глаза кричащая кинореклама. Все афиши похожи друг на друга и делаются по одному и тому же нехитрому рецепту, — они стараются привлечь зрителя либо криминальной сценкой (погоня бандита за своей жертвой, наказание туземца и т. д.), либо пикантными местами из танцовальных и иных сцен.

Если вы захотите познакомиться с какой-нибудь итальянской кинокартиной, то отнюдь не сразу сможете ее найти: почти во всех кинотеатрах идут американские фильмы.

Только за последнее время американцы открыли в Риме примерно десять новых кинотеатров («Метрополитэн», «Астория», «Капитолий» и др.). «Метрополитэн» повсюду рекламируется, как «самый современный и самый элегантный из всех кинотеатров сегодняшней Италии».

Наиболее популярный итальянский фильм — «Рим — открытый город». Успехом пользуется и фильм «Трагическая охота», также посвященный периоду Сопротивления.

Недавно итальянская реакция выпустила на экраны столичных кинотеатров глупый и пошлый антисоветский фильм «Ниночка». Он не имел никакого успеха у зрителя и вскоре сошел с экрана. Такую же неудачу потерпел и столь же быстро сошел с экрана старый фильм «Распутин», доказывавший, что причиной революции в России было... пагубное влияние Распутина на царя.

Драматического театра в нынешней Италии фактически почти не существует. Имеется ряд театров, где идут плоские, примитивные скетчи и фарсы. Повсюду можно увидеть кричащую рекламу театра Валле, призывающую зрителей посмотреть «пьесу» «Какой я бандит». Натуралистические, или, точнее говоря, порнографические сценки с участием полуобнаженных женщин, плоские шутки, дешевые трюки — таково «содержание» этого произведения.

Бурную пропагандистскую деятельность развивает Ватикан, используя для этого все средства: церковную проповедь и радио, прессу и кино.

В распоряжении Ватикана — обширная печать. Он имеет около 25 периодических изданий. В Ватикане есть типография, издающая книги и газеты на русском языке.

Надо сказать, что в Италии выходят и антиклерикальные издания. К ним в первую очередь относится газета «Дон Базилио», очень популярная у итальянцев и имеющая тираж в 120 тысяч экземпляров. В прошлом году Ватикан отлучил редактора и издателя «Дон Базилио» от церкви и тем же пригрозил продавцам этой газеты. Тем не менее газета продолжает выходить.

* * *

Из Рима я совершил поездку в Неаполь. По дороге я видел сильно разрушенные города, восстановление которых еще не началось или почти не началось, — Террачина, Формия, Кассино. Здесь говорят, что англо-американские войска до тех пор не входили в город, пока не разрушали его полностью и не убеждались, что в нем не осталось ни одного немца...

Чем дальше к югу, тем менее привлекательными становятся города. Вот город Капуя, весь словно облупленный, кишащий раздетыми и голодными ребятишками. Столь же непривлекательным предстал перед нами и город Аверто.

Неаполь, прославленный в стольких песнях и в прозе, также поразил нас нищетой, страшной антисанитарией, пылью и грязью. Город красив только издали, главным образом, с моря. Великолепна панорама Неаполя лишь поздним вечером или ночью, когда еще не погасли огни.

Говорят, что по статистическим данным в Италии $^1/_8$ часть населения больна туберкулезом. Трудно поверить, что процент заболеваемости столь высок. Но после посещения Неаполя перестаешь этому удивляться. Постоянное недоедание, отсутствие бесплатной медицинской помощи, — многие больные совершенно не лечатся, так как у них нет средств, — и острый жилищный кризис способствуют все более прогрессирующему росту заболеваемости.

Неаполь сейчас — это город туберкулеза, сифилиса и проституции. В последнее время его постигло новое несчастье: он стал городом массовой безработицы. По официальным данным, в Неаполе больше 180 тысяч безработных — почти одна пятая часть всего населения!

Не помню, кто сказал мне: «Чтобы понять, как сильно влияние Ватикана, надо побывать в Неаполе». Это действительно так. Католическая церковь очень ловко использует нищету и забитость масс, их темноту и невежество в своих целях. Не случайно именно в Неаполе появился во время недавней избирательной кампании «чудотворец», исцеляющий якобы от всех болезней, именно здесь стала «двигаться» мадонна...

И все же, несмотря на отчаянные усилия церковников, Народный фронт получил здесь около одной трети всех голосов, что, несомненно, является большим успехом.

В Сорренто и на остров Капри нас сопровождал гид. Он подробно рассказывал о горьковских местах, о непрекращающихся поездках сюда всех тех, кто помнит и чтит память великого русского писателя.

Ныне почти все виллы на Капри принадлежат американцам — до войны владельцами в большинстве были немцы.

Гид показывает роскошную виллу, где отдыхает дочь Муссолини, которая недавно прибыла сюда на летний сезон. Остальное время года она предпочитает жить в Риме. Недалеко от Капри, на острове Искья, в таких же роскошных условиях живет вдова Муссолини...

* * *

Кто выведет Италию из нищеты и бесправия, темноты и невежества на путь процветания? Такая сила есть — это Народный демократический фронт, получивший на последних выборах восемь миллионов голосов. Это голоса самых передовых, самых честных и самоотверженных людей, не испугавшихся угроз и не поддавшихся на подкуп. Этим людям и всем их единомышленникам и принадлежит будущее Италии.

РИМ. Май.

Из иностранной печати

ЛЕГИ—МАРШАЛЛ—ФОРРЕСТОЛ

Известно, что официальные круги и реакционная печать США пытаются возложить на Советский Союз ответственность за нынешнее состояние советско-американских отношений. Известно также, что это — не более, чем попытка свалить вину с больной головы на здоровую. Факты неумолимо свидетельствуют о том, что именно правящие круги США препятствуют коренному улучшению отношений между обеими странами.

В этой связи не безынтересна статья американского журналиста Макса Лернера «Анатомия войны», опубликованная в американской газете «ПМ». Журналист утверждает, что американские реакционные круги не думают сколько-нибудь серьезно об урегулировании разногласий с Советским Союзом. «Нет никаких доказательств, что они (т. е. руководители внешней политики США) готовы... сесть и обсудить с русскими лидерами широкое соглашение в интересах мира и безопасности», — пишет автор. Этот политический курс, который Лернер называет «чудовищной карикатурой на мирную политику», вдохновляется и проводится руководителями американского правительства.

По словам Лернера, основное влияние на правительственные круги оказывают начальник штаба президента адмирал Леги, государственный секретарь Маршалл и министр обороны Форрестол. Президент Трумэн, как пишет Лернер, — лишь «сбитый с толку человек, выполняющий работу, которая слишком велика для него... Я сомневаюсь, понимает ли он полностью значение того, что происходит, и значение тех решений, которые он принимает. Было бы ошибкой считать его пленником, потому что если он и узник, то по своей доброй воле. Он скорее орудие в руках могущественных людей и могущественных групп».

По мнению автора статьи, большую закулисную роль играет адмирал Леги — человек, который считал от'явленного реакционера Бирнса «слишком левым» и называл его политику по отношению к Советскому Союзу «недостаточно твердой». Маршалл — «...человек с военными и административными способностями, но его ум не может выйти из этих пределов». Как государственный секретарь он «провалился», и его престиж быстро падает. Форрестол — наиболее могущественный из этих трех «триумвиров». Все «военизированные» речи Трумэна в той или иной степени отражают взгляды Форрестола, он является фактическим руководителем всесильного «Национального совета безопасности». В чем же секрет силы Форрестола?—спрашивает журналист. «Его карьера и положение одного из могущественных финансистов и его взгляды, как главы вооруженных сил, представляют совокупную точку зрения корпораций и военных кругов».

«Вместе эти люди, — утверждает Лернер, — представляют новую военную касту, промышленные и финансовые группы. Они имеют своих саттелитов в церкви и в правительственных кругах, в прессе и в других областях, где формируется общественное мнение... Они презирают все способы, кроме способов военной и финансовой силы».

ГИТЛЕРОВЦЫ «ПИШУТ ИСТОРИЮ»

Немецкая газета «Франкфуртер рундшау» напечатала очерк корреспондента агентства ДЕНА, озаглавленный «Генералы пишут историю». Автор рассказывает о жизни лагеря для пленных гитлеровских офицеров в маленьком старинном городке Нейштадте, куда американские оккупационные власти поместили примерно 120 генералов и офицеров германского генштаба, которым поручили писать историю второй мировой войны.

Судя по всему, эти зубры немецкой военщины, среди которых есть немало крупных военных преступников, чувствуют себя неплохо в тихой нейштадтской обители. «Они живут, — пишет газета, — в построенных перед самой войной двухквартирных домиках за высокой оградой из колючей проволоки. Они почти ничего не знают о нуждах и страданиях немецкого народа и сохраняют свои старые «традиции». Хотя они и сбросили мундиры, но внутренне остались теми же, какими и были. Ремеслом их была война, и они живут ею до сих пор. В нейштадтском лагере вы нигде не услышите обращения просто «герр» такой-то, а обязательно «герр генерал-полковник». Корреспонденты, которые хотят рассказать немецкому народу о жизни этих офицеров, не пользуются симпатиями. Если признаешься, что ты журналист, тебя не пустят в лагерь...»

Немецкое население Бизонии, в том числе население американской зоны оккупации, голодает. Но нейштадтские «историки», благодаря заботам американцев, не терпят лишений.

«Все эти господа, — продолжает газета, — имеют возможность вызвать к себе свои семьи, и генеральшам неплохо живется в уютных квартирах поселка, снабженных центральным отоплением. Белье стирают им бесплатно в прачечной, дров и угля достаточно. Пища готовится в общественной кухне, а столуются все в столовой, где нередко подаются особые дополнительные блюда. Жены высших офицеров без всякого стеснения отказываются заниматься лагерным хозяйством и фактически ничего не делают».

Кроме того, за работу генералы получают дополнительный обед из американских продуктов, а раз в неделю им выдают по три пачки табака и по две коробки сигарет. И табак, и сигареты, а также различные продукты служат предметами оживленной спекуляции. «Жители лагеря частенько посещают соседние местечки и по вечерам после удачного обмена возвращаются с полными мешками в свой городок без всяких препятствий со стороны постовых, выставленных для «охраны лагеря».

Американское военное командование учредило в Нейштадте специальные суды по денацификации. Однако, как пишет корреспондент, работа этих судов по денацификации «осложняется тем, что каждый генерал свидетельствует об антинацистских и антигитлеровских настроениях другого генерала... Генералы считают, что они были не национал-социалистами и милитаристами, а либералами и демократами...»

«Многие обитатели лагеря,— продолжает он далее,—ежедневно посещают заседания судов по денацификации и с записной книжкой в руках внимательно следят за судопроизводством. Если кого-либо из их «коллег» оправдывают, они жмут ему руку и церемонно выражают наилучшие пожелания. Если же дело кончается направлением осужденного в трудовой лагерь, они оживленно критикуют решение, и нередко можно услышать такие выражения, как: «это надо припомнить!» или: «если бы мне револьвер!..»

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

РАВНОПРАВИЕ ПО-ЛЕЙБОРИСТСКИ

Как сообщает газета «Либерасьон», конференция учителей Йоркшира (Англия) решила, что обучение мальчиков является делом только одних мужчин, и приняла резолюцию, в которой говорится: «Алчные орды женщин уже вторглись на наши нивы. Чем скорее мы вышвырнем их оттуда, тем будет лучше для всех английских мальчиков».

АМЕРИКАНСКИЙ СЕРВИС

На военно-учебном плацу Графенвёр в Баварии проводятся весенние маневры американских оккупационных войск. Как сообщает немецкая газета «Форвертс», в окрестностях военного лагеря размещено 3000 немецких девушек в возрасте от 17 до 20 лет, «выделенных», по приказу американских военных властей, из различных городов и селений американской зоны оккупации Германии «для развлечения солдат в свободное от их тяжелой службы время».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ «ЗАТРУДНЕНИЯ»

По сообщению «Чикаго сан энд Таймс», недавно на суде над японскими военными преступниками в Йокогаме возник следующий «неразрешимый» вопрос из области теории международного права. «Может ли каннибализм считаться военным преступлением?». Суд зашел в тупик, когда выяснилось, что пятеро подсудимых с'ели печень убитого ими военнопленного, ибо, по японским поверьям, это должно было повысить их храбрость и твердость духа.

В Союзе советских писателей СССР

Стихи Галины Миловой и Игнатия Рождественского

В комиссии по работе с русскими писателями в республиках, краях и областях СССР состоялось обсуждение творчества поэтессы Галины Миловой (Кострома).

Г. Милова — бывалый человек, она работала и геодезистом в далекой северной тайге, и начальником планового отдела одного из районных учреждений Костромы.

— Я давно слежу за творческим ростом поэтессы, — сказала В. Инбер. — В своих ранних стихах Г. Милова замыкалась подчас в ограниченную сферу личных переживаний. Новые стихи поэтессы радуют лирической взволнованностью и идейностью.

Выступившие на совещании Е. Книпович, А. Карцев, Б. Бобович, С. Васильев и А. Коваленков, подвергнув критике отдельные недостатки творчества Г. Миловой, говорили об интересном лирическом даровании поэтессы, отметили удачные стихи из циклов «Разведчики» и «Камни».

Комиссия приняла решение послать Галину Милову в творческую командировку для осуществления ее замысла — написать поэму об Урале.

Комиссия обсудила также стихи красноярского поэта И. Рождественского. С обстоятельным разбором и критикой последних произведений поэта выступили М. Матусовский и Ю. Лукин. Они говорили о достоинствах работы И. Рождественского. Однако поэтический язык его стихов еще очень неровен. Рядом с яркими, свежими строфами можно встретить недоработанные строки. Это тем досаднее, что многие стихи И. Рождественского («Учительница», «Школа на крутояре», «Север», «Мой город» и другие) свидетельствуют, что он одаренный поэт.

И другие выступавшие — А. Караваева, С. Васильев, Я. Смеляков, К. Мурзиди, Л. Чуковская — своей дружеской критикой искренно желали помочь поэту преодолеть недостатки.

Секретари Новосибирского и Красноярского отделений ССП А. Смердов и С. Сартаков говорили о малой квалификации редакторов и рецензентов, работающих в этих областях. Отсюда, по их мнению, происходят многие недочеты в работе местных писателей и поэтов, которые не могут получить должной оценки своих произведений ни до, ни после опубликования. А. Смердов и С. Сартаков пожелали видеть имена квалифицированных критиков на страницах областной печати, призвали опытных редакторов работать с писателями, живущими вне Москвы.

Очеркисты обсуждали план Профиздата

17 мая в Центральном доме литераторов секция очерка и публицистики обсуждала перспективный план издательства ВЦСПС — Профиздата. Главный редактор Профиздата т. Г. Донгаров доложил собравшимся, что издательство решило значительно увеличить в 1948 году выпуск очерковой литературы.

— Задача Профиздата — выпускать книги, — сказал О. Черный, — которые раскрывают новое качество труда советских людей, делающих практические шаги к коммунизму. То, что пока намечено, носит несколько случайный, эмпирический характер.

С критическими замечаниями по плану и с творческими заявками выступили тт. М. Никитин, М. Эгарт, С. Юрин и др.

В заключение выступил председательствовавший на вечере Борис Галин. Главная задача,—сказал он,— показать то новое, что происходит в стране, что проявляется в героическом, самоотверженном труде строителей пятилетки. Б. Галин выразил уверенность, что встреча будет плодотворным началом творческого содружества писателей с издательством советских профсоюзов.

Памяти И. Меньшикова

Военная комиссия ССП в связи с пятилетием со дня смерти Ивана Меньшикова организовала вечер, посвященный его памяти.

Вступительное слово о жизни и творчестве Ивана Меньшикова—автора книг «Друзья из далекого стойбища», «Человек ищет счастья» и др., посвященных советскому Северу, ненецкому народу, произнесла Н. Чертова. Затем выступили А. Кронгауз, В. Дмитриевский, а также И. Строганов, недавно побывавший в Нарьян-Маре; он рассказал, что память о русском писателе жива у народов Севера. По книгам И. Меньшикова, переведенным на ненецкий язык, учатся читать ненецкие дети.

А. ЕЛИСТРАТОВА

Мертвецкая литература

Журнал «Horizon» («Горизонт») давно был известен, как цитадель воинствующего английского декаданса в литературе и изобразительных искусствах. В отделе живописи, графики и скульптуры читателям регулярно преподносились под видом «нового слова» в искусстве очередные образцы заумных примитивистских вывертов и эротической символики. В отделе критики такие статьи, как, например, «Некоторые рассуждения о непристойности» и «Поэзия ради поэзии и поэзия по ту сторону поэзии», достойным образом определяли направление «творческих» интересов журнала.

Еще в декабре 1944 года, празднуя свой пятилетний юбилей, редакция «Горизонта» в передовой статье провозгласила во всеуслышание: «Теперь нам пора иметь свою политику; и она у нас есть. Обвиняемый в «эстетизме», «эскейпизме», «уходе в башню из слоновой кости», «буржуазном формализме», «фривольности» и «предпочтении искусства — жизни», «Горизонт» признает себя виновным по всем этим пунктам и гордится этим».

Но в годы войны реакционная декадентская клика из «Горизонта», делая уступки общественному мнению демократических кругов, была вынуждена прибегать к защитному камуфляжу. Редакторы «Горизонта» скорбели на словах о судьбах Европы, растоптанной сапогами фашистских захватчиков. Драпируясь в тогу защитников демократии и прогресса, они уличали гитлеровцев в «циническом и дьявольском попирании человечности», в «отрицании человеческого достоинства», в преступном намерении «развратить и деморализовать целый континент».

Ныне маски сброшены, и пропаганда циничного, обесчеловеченного «искусства» декаданса ведется в «Горизонте» в открытую, без помощи защитных прогрессивных фраз.

Трудно представить себе сочинение, нарочито более обездушенное, исполненное более наглого презрения к человеческому достоинству, чем последний роман небезызвестного английского литератора Эвелина Во — «Любимая. Англо-американская трагедия» *, занявший целиком февральский выпуск «Горизонта» за 1948 год.

Редакторы «Горизонта» (как и вообще буржуазная критика в Англии) любят ссылаться на послевоенный бумажный кризис в об'яснение духовного упадка и оскудения английской литературы. Для романа Эвелина Во, однако, журнал не поскупился на бумагу. Нашлись для него бумажные фонды и в издательстве Чапмен и Холл. Вокруг романа поднята шумиха. Уже анонсирован выход «Любимой» сразу в двух изданиях — в обыкновенном, с иллюстрациями и в специальном, роскошном, по подписке, где каждый экземпляр будет стоить по две гинеи. В заметке, предпосланной тексту романа, Сирил Конолли, редактор «Горизонта», сравнивает Эвелина Во не больше не меньше как со Свифтом!

Имя Эвелина Во само по себе заставляет насторожиться читателей. В его послужном списке значатся не только модные декадентские романы (в которые, как с удовлетворением отмечала в том же «Горизонте» критик Роза Маколей, «нигде не вторгаются нравственные соображения»), но и исторические «труды» в защиту европейской феодально-католической реакции XVI века во главе с Филиппом испанским и папой Пием V. Он — один из первых английских литераторов, еще задолго до Мюнхена открыто и нагло солидаризировавшихся с фашистской агрессией держав оси. Его книжка «Во в Абиссинии» (1936 год) была полна восторгов по поводу «побед», одержанных итальянскими чернорубашечниками, и издевательств над антифашистами — поборниками равноправия наций.

В подзаголовке к «Любимой» — «Англо-американская трагедия» — содержится намек на злободневность очередного романа Во. В нем действительно отразились некоторые из противоречий между английским и американским империализмом, но отразились лишь в кривом зеркале декадентского гротеска. От лица буржуазной Англии Во разрешает себе довольно непочтительно, почти издевательски третировать буржуазную «культуру» США. Он посвящает несколько ядовитых страниц Голливуду и плачевной судьбе приютившихся там титулованных и нетитулованных британских киноэкспертов.

Он рассказывает о том, как во время гражданской войны в Испании, спекулируя на демократических симпатиях зрителей, в Голливуде спешно «сделали» новую звезду. Ей дали испанское имя Хуанита дель Пабло и придумали сенсационную биографию, представив ее антифашистской эмигранткой, жертвой насилия со стороны франкистских головорезов. Выдержав, ради вящей фотогеничности, пластическую операцию носа и наскоро обучившись исполнению «мексиканских» кабацких песенок, Хуанита добрый десяток лет подвизается в ходком «злобно-блистательно-садистском» репертуаре, как именует его реклама. Но в политике кинокомпании «Мегалополитен» происходит поворот. Антифашисты больше не ко двору в Голливуде. «В этом году мы делаем только здоровые фильмы, чтобы угодить Католической Лиге Соблюдения Приличий». Хуаниту спешно превращают в ирландку, сочиняют ей новое имя и биографию, перекрашивают в рыжий цвет ее волосы и вырывают все зубы. Раньше ей приходилось только хмуриться; «теперь ей надо все время лукаво смеяться, а это означает вставные челюсти».

«Собачья голова, отрезанная от туловища, в которой искусственно, путем переливания крови, поддерживается жизнь, и которая способна разве только истекать слюной, завидев кошку», — вот что представляют собой, по определению одного из героев романа, «деятели» Голливуда.

Голливуд выбрасывает за борт всех, кто ему больше не нужен. Кончает самоубийством натурализовавшийся в США англичанин сэр Фрэнсис Хинслэй, старый сценарист, не сумевший приспособиться к новым требованиям своей кинофирмы. Главный герой романа, молодой англичанин, поэт Деннис Барлоу (во время войны бывший летчиком Британского воздушного флота), был специально вызван в Америку, чтобы инсценировать для Голливуда биографию Шелли. Отвергнутый голливудскими магнатами, он вынужден взяться за работу подручного в крематории «Счастливые охотничьи поля» — специальном крематории для животных, где со всеми необходимыми церемониями, включая даже церковную службу, хоронят своих четвероногих любимцев калифорнийские богачи.

Вместе со своим героем Эвелин Во посмеивается над стандартизацией пресловутого «американского образа жизни», над тем, как оболванивают обывателей американские газеты, радио, рекламы, школы, кино. Капиталистический бизнес прибирает к рукам все. Самая смерть становится предметом «высокоорганизованного» сервиса, приносящего предпринимателям немалый профит. Крематорий для животных «Счастливые охотничьи поля», где служит сам Деннис Барлоу, и похоронный комбинат «Шелестящие рощи», где служит косметичкой его невеста Эме, становятся у Эвелина Во своего рода символом всей американской «цивилизации».

Однако сатирические мотивы в романе Во довольно поверхностны и носят цинично-декадентский характер. Недаром редактор «Горизонта» в той же вступительной заметке спешит услужливо оговориться, чтобы, упаси боже, не обидеть всемогущего заокеанского дядю Сама: «фактически мистер Во написал свифтианскую (!) сатиру на погребальные обычаи Южной Калифорнии, и в его иронии не следует видеть осуждения Америки в целом». В самом деле, англо-американский спор в этой «англо-американской трагедии» — это братский спор, который решается полюбовно, по принципу «свои люди сочтемся».

С благословения автора, герой романа англичанин «поэт» Барлоу ухитряется сделать хороший бизнес даже из самоубийства собственной невесты — американки.

Посредством шантажа получив со своего соперника, главного бальзамировщика «Шелестящих рощ», солидный куш на проезд в Англию, Барлоу преспокойно сжигает труп «любимой» девушки Эмэ в печи крематория для кошёк и собак. На прощанье, перед от'ездом, он вписывает в конторскую книгу последнее распоряжение: отныне и ежегодно его сопернику будет посылаться мемориальная открытка со стандартным текстом: «Ваша маленькая Эме сегодня виляет хвостиком на небесах, думая о вас». Этот штришок достаточно выразителен, чтобы дать полное представление о каннибальском юморе «эстета» Во.

Содержание романа Во с трудом поддается пересказу, да оно того и не стоит. Два похоронных предприятия служат автору основным местом действия; конвейеры с трупами поставляют ему необходимую бутафорию. Мистер Джойбой, главный бальзамировщик «Шелестящих рощ», об'ясняется в любви своей помощнице—косметичке Эме, направляя к ней для дальнейшей обработки поток мертвых тел, которым он придает стандартную «улыбку лучезарного детства». Когда между ними происходит размолвка, улыбки исчезают; рассерженный мистер Джойбой запечатлевает на лицах мертвецов гримасу уныния...

Мертвецкой гнилью несет от тошнотворного романа Во, который реакционная критика в лице журнала «Горизонт» пытается выдать за последнее достижение английского искусства и который в действительности отмечает собой предел его падения. В гитлеровских лагерях смерти радиорепродукторы изрыгали бравурную музыку, чтобы заглушить стоны и крики умирающих; рядом с крематориями и газовыми камерами разбивались аккуратные цветники, удобряемые пеплом казненных жертв. Тем же духом гнусного садистского издевательства над человеческой жизнью и смертью проникнута декадентская книжонка Эвелина Во, который резвится среди трупов вместе со своими героями.

Жрецам декадентского искусства из журнала «Горизонт» лучше было бы не упоминать имени Свифта в связи с Эвелином Во: автор «Путешествий Гулливера» сумел бы найти для мистера Во приличествующее его гробокопательским дарованиям место среди лапутских выродков и шарлатанов, позоривших и унижавших достоинство человека и человеческого разума.

* Evelyn Waugh. The Loved One. An Anglo-American Tragedy. „Horizon", February. 1948.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К-3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 01745.